

Sidney Sheldon

СИДНИ ШЕЛДОН

ИНТРИГАНКА 2

ТИЛЛИ БЭГШОУ

*Сидни Шелдон –
писатель №1
в мире!*

Тилли Бэгшоу

Сидни Шелдон. Интриганка-2

«АСТ»

2009

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Бэгшоу Т.

Сидни Шелдон. Интриганка-2 / Т. Бэгшоу — «АСТ», 2009

ISBN 978-5-17-087448-4

В семье Кейт Блэкуэлл выросла ее достойная наследница – Лекси Темплтон. Еще одна женщина, считающая, что «цель оправдывает средства», – и готовая заплатить любую цену за то, что желает получить. Но времена изменились. И нынешней «интриганке» жизнь готовит еще более опасные сюрпризы, чем Кейт. Лекси снова и снова балансирует на краю пропасти. И вокруг немало людей, готовых подтолкнуть ее к гибели. Но Лекси не из тех, кто легко сдается!..

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-087448-4

© Бэгшоу Т., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Пролог	6
Книга первая	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	43
Глава 7	46
Глава 8	52
Глава 9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Тилли Бэгшоу
Интриганка-2
Продолжение романа Сидни Шелдона
Александре Шелдон – с любовью и благодарностью

Tilly Bagshawe

SIDNEY SHELDON'S MISTRESS OF THE GAME

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited Partnership
и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi
International Literary Agency.

© Sheldon Family Limited Partnership, successor to the rights and interests
of Sidney Sheldon, 2009

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

Пролог

Лекси Темплтон перечитала письмо. Руки, державшие листок, слегка подрагивали. Сидя на постели в спальне, которая когда-то принадлежала прабабушке, она рассеянно оглядела свое подвенечное платье. Мысли лихорадочно металась в поисках выхода.

«Думай. У тебя почти не осталось времени!»

Что сделала бы на ее месте Кейт Блэкуэлл?

В свои сорок один Лекси Темплтон все еще оставалась красавицей. Блестящие, не тронутые сединой светлые волосы, стройная миниатюрная фигурка без малейших признаков ранней беременности. Она была полна решимости сохранить свою сногшибательную форму вплоть до самой свадьбы, чтобы показать во всей красе винтажное платье от Моник Лалье – облегающий «футляр» из тончайшего кружева цвета слоновой кости. И это ей удалось.

Несколько часов назад около сотни гостей, собравшихся на свадебную церемонию в Сидар-Хилл-Хаусе, легендарном поместье Блэкуэллов в штате Мэн, изумленно ахнули, увидев Лекси Темплтон, которая появилась на газоне под руку с отцом. Ожившая иллюстрация из сказки «Красавица и Чудовище»! Питер Темплтон, отец Лекси, когда-то известный психиатр и один из самых завидных нью-йоркских женихов, уже превратился в старика. Истощенный, согбенный под бременем лет и пережитых страданий, Питер Темплтон вел свою прелестную дочь к увитому розами алтарю.

Теперь он может уйти. Уйти на небо, где его ждет любимая Александра. Их маленькая девочка наконец счастлива.

Лекси Темплтон действительно была счастлива. Лицо ее сияло. Она выходит замуж за любимого человека в присутствии родных и друзей. Все тут. Кроме одного человека. Этот человек никогда не станет свидетелем очередного триумфа Лекси. Никогда не позлорадствует над очередной ее неудачей. Их жизни были переплетены с самого рождения, словно корни деревьев. Но он ушел навсегда и больше не вернется.

Однако, несмотря на все случившееся, Лекси его недоставало.

На какое-то мгновение она ощутила боль потери, но при взгляде на будущего мужа все сожаления бесследно исчезли. Сегодня все будет идеально. Все пройдет как по маслу. Волшебная сказка. Счастливейший день ее жизни.

К сожалению, президент Соединенных Штатов не смог приехать на свадьбу – небольшая помеха в виде войны на Ближнем Востоке. Но он прислал поздравительную телеграмму, которую Робби, брат Лекси, зачитал вслух, когда она с мужем разрезала торт. Зато все остальные явились: промышленные магнаты, премьер-министры, короли, кинозвезды. Президент могущественной компании «Крюгер-Брент лимитед» Лекси Темплтон была одной из некоронованных королев Америки. Да и выглядела королевой. Потому что имела все: ослепительную красоту, огромное богатство и неограниченную власть, простиравшуюся до самых дальних уголков мира. И вот теперь благодаря мужу обрела и любовь.

А еще у нее были враги. Могущественные враги, один из которых намеревался уничтожить ее, дотянувшись даже из могилы.

Лекси в который раз перечитала письмо.

«Я знаю, что ты сделала. Знаю все».

Сеть постепенно затягивалась. Лекси ощутила страх, свернувшийся в желудке, подобно скисшему молоку.

«Должен же быть выход! Выход есть всегда! Я не пойду в тюрьму! Не потеряю «Крюгер-Брент». Не потеряю родных!»

Думай!

Несколько часов назад на свадебном приеме губернатор штата Мэн произнес речь:

– ...необыкновенная женщина из необыкновенной семьи. Мужество и цельность натуры Лекси Темплтон известны нам всем. Сила духа, решительность, деловое чутье, честность...

Честность? Если бы они только знали!

– ...все эти качества присущи Лекси Темплтон. Но сегодня мы собрались здесь, чтобы отпраздновать нечто совершенно иное. Радость. Радость для двоих. Любовь. Любовь, которую, как всем нам известно, Лекси заслужила сполна. И все, кто знает Лекси, рады за нее.

«Никто из вас не знает меня. Даже мой муж. И я не заслужила его любви. Но боролась за нее, выиграла и никому не позволю отнять ее у меня я. И меньше всех тебе...»

К этому часу большинство гостей разъехались. Правда, Робби и его партнер задержались внизу. Там же находились дочь Лекси, малышка Максин, с няней. В любую минуту сюда, в поисках жены, может заглянуть муж Лекси. Пора уезжать в свадебное путешествие.

Пора...

Лекси подошла к окну. За газонами Сидар-Хилл-Хауса виднелись белые крыши домов Дарк-Харбора, а дальше бушевало темное, неприветливое море. Сегодня вечером неутомимо катящиеся волны выглядели необычайно зловещими.

Оно ждет. Когда-нибудь оно поглотит остров. Взыбится гигантская волна и сотрет все с лица земли, словно здесь никогда ничего не было.

Двое мужчин в темных костюмах вышли из машины и приблизились к охраняемым воротам. Еще до того, как они вытащили жетоны, Лекси Темплтон поняла, кто это. Сценарий разворачивался именно так, как сказано в письме:

«Полиция уже в пути. У тебя нет выхода, Александра. На этот раз – нет».

Слезы обожгли глаза Лекси. В ушах зазвучал голос тети Ив, так ясно, словно она все еще была жива. Издевательский, злорадный, пропитанный ядом. Неужели она была права? Неужели это все? Конец игры? После всех усилий и жертв?

Лекси вспомнила стихотворение Дилана Томаса, которое учила в школе: «Взбунтуйся, мой сын, против дружбы луны. Парламент небес – долой...»¹

– Черт все побери, я взбунтуюсь! И не позволю старой ведьме побить меня без борьбы!

Копы уже вошли в ворота. Еще секунда – и они окажутся у дверей.

Лекси Темплтон глубоко вздохнула и спустилась вниз, чтобы встретить их.

¹ Пер. В. Бетаки.

Книга первая

Глава 1

Дарк-Харбор, штат Мэн, 1984 г.

Дэнни Коретти смотрел сквозь переплетение ветвей вниз, на бурлящую толпу людей, ощущая острый приступ морской болезни.

– Какого дьявола мы здесь делаем?

Закрыв глаза, он лихорадочно вцепился в ветку древнего вяза и еще раз удостоверился, что и он, и камера надежно скрыты густой листвой.

– Деньги. Делаем деньги, – возбужденно прошептал компаньон. – Смотри, вот она!

– Где?

Проследив за направлением взгляда приятеля, Дэнни Коретти направил длиннофокусный объектив камеры на фигуру, поникшую в самом центре толпы скорбящих. Женщина была с головы до ног одета в черное. Плотная кружевная мантилья, ниспадавшая до пола, надежно скрывала лицо и безупречно сидевший костюм от Диора. Она могла быть кем угодно. Но была отнюдь не кем угодно.

– Морочишь мне голову? – нахмурился Дэнни. Церковный двор, казалось, отчаянно вздыбился. Древние могилы поднимались и опадали, как лошади в призрачной карусели. – Я ни черта не вижу! Уверен, что это она? Под этим кружевом может быть кто угодно, хоть Джонни Карсон².

Спутник широко улыбнулся:

– С такой-то задницей? Ни за что на свете. Это точно она.

С соседнего дерева доносились жужжание и щелчки камеры конкурента. Сфокусировав объектив, он тоже начал снимать.

– Давай, беби. Выдай папочке улыбку!

Снимок открытого лица Ив Блэкуэлл стоил бы не меньше сотни штук! Вопрос в том, кому из папарацци это удастся? Всякий, достаточно ловкий, чтобы запечатлеть ее беременный живот, мог ожидать вдвое большей суммы.

Двести штук баксов!

Возможно, для Блэкуэллов, наследников мультимиллиардной империи «Крюгер-Брент лимитед», богатейшей в Америке семьи, это просто семечки. Но для Дэнни Коретти – целое состояние. Именно из-за Блэкуэллов сюда, во двор церкви Святого Стефана, в это промозглое февральское утро слетелась стая папарацци. Хоронили матриарха семьи, Кейт Блэкуэлл, наконец-то отошедшую в мир иной в почтенном девяностодвухлетнем возрасте.

Только взгляните на них! Словно жирные черные мухи кишат вокруг трупа старой дамы. Омерзительно!..

Тошнота вновь подступила к горлу Дэнни. Усилием воли он попытался не думать ни о ней, ни об острой боли, долбившей спину после шестичасового сидения на дереве. Больше всего на свете ему хотелось распрямиться, но он не смел шевельнуться из страха привлечь внимание охранников «Крюгер-Брент». Наблюдая мрачные, облаченные в черное фигуры бывших морских пехотинцев, обходивших периметр церковного двора с пистолетами наготове, Дэнни

² Знаменитый американский телеведущий, автор первых ток-шоу (1925–2005). – *Здесь и далее примеч. пер.*

Коретти вздрогнул от страха. Сомнительно, чтобы Кейт Блэкуэлл нанимала их за наличие чувства юмора.

«Все будет о'кей. Делай снимок и лияй отсюда. Давай, Ив, беби. Скажи «чи-и-и-из»!»

Собственно говоря, Дэнни Коретти не был создан для работы под прикрытием. Высокий, тощий мужчина ростом шесть футов два дюйма, с противоестественно длинными ногами и гривой неожиданно белокурых волос, резко контрастирующих с оливково-смуглой кожей истинного итальянца, так выделялся из толпы, что найти на церковном дворе надежное укрытие, которое могло бы вместить его угловатое тело, представлялось делом затруднительным. Самым подходящим оказался толстый вяз, но пришлось тащиться сюда чуть ли не ночью, чтобы опередить конкурентов и занять самый выгодный наблюдательный пункт. Теперь приходилось всем телом лгнуть к верхним ветвям. Каждая жилка, каждая мышца горели, невзирая на отупляющий холод.

Дэнни стиснул зубы, проклиная свои ходули.

«Лучше думай о деньгах!»

Грустная ирония заключалась в том, что именно из-за длинных ног Дэнни оказался на этой нервной работе.

Не будь у него длинных ног, муж его любовницы не заметил бы ступни сорок девятого размера, высовывающиеся из-под супружеской постели.

Ах, Карла! Господи, какая красотка! Грудь мягкие и спелые, как персики! Ни один мужчина не способен перед ней устоять! Если бы только этот неандерталец не заявился домой в неурочный час...

Длинные ноги стали причиной того, что их обладателя превратили в отбивную котлету. Пока Дэнни отлеживался в больнице, его жена Лоретта, узнав об измене, подсуежилась, быстро развелась и оттяпала дом. Теперь из-за длинных ног Лореттин адвокат с крысиной мордой требовал от Дэнни ежемесячно выплачивать его клиентке алименты в размере тысячи баксов.

Тысяча баксов! Кем они его считают? Дональдом Трампом?!

Да, во всех своих несчастьях Дэнни винил длинные ноги. Иначе с чего бы еще он проводил воскресное утро, скрючившись в три погребели и морозя яйца на четырехсотлетнем вязе, нависавшем над церковным двором и рискуя головой ради одной вшивой фотки женщины, которую таблоиды именовали «Чудовище Блэкуэллов»?

Длинным ногам Дэнни Коретти было за что держать ответ.

Поэтому он должен сделать снимок Ив Блэкуэлл, даже если при этом сверзится вниз и сломает шею.

Голос священника, низкий и сильный, звенел в февральском холодном воздухе.

– Боже милосердный, тебе ведомы страдания скорбящих...

Ив Блэкуэлл, чувствуя себя в полной безопасности за густой вуалью, хищно ощерилась.

Скорбящих? Видеть старую ведьму мертвой в гробу? Да это счастье! Будь она на десять лет моложе, прошлась бы по двору колесом.

* * *

Сегодня Ив хоронила одного из своих врагов. Но она не успокоится, пока не зароят последнего.

Одна в могиле. Остались двое.

– Ты внемлешь молитвам смиренных...

Ив Блэкуэлл оглядела маленькую группу родных и друзей, приехавших, чтобы попрощаться с ее бабушкой Кейт, и невольно задалась вопросом, можно ли отнести этих людей к разряду смиренных.

Здесь же стояла ее сестра-близнец Александра. В тридцать четыре года она по-прежнему могла считаться красавицей: высокие скулы, густые волосы и поразительные серые глаза, унаследованные от прадеда, основателя «Крюгер-Брент» Джейми Макгрегора.

Глаза Ив полыхнули ненавистью, которую она непрестанно испытывала к сестре с того самого дня, когда появилась на свет.

Как она смеет! Как смеет ее сестра оставаться красивой!

Александра громко рыдала, цепляясь за руку своего сына Роберта. Светловолосый, хрупкий и неизменно доброжелательный Роберт был точной копией матери. Одаренный пианист, он считался любимцем Кейт Блэкуэлл и очевидным наследником «Крюгер-Брент».

Ничего, уже недолго ждать! Посмотрим, сколько еще протянет мальчишка теперь, когда Кейт больше не сможет его защищать!

Грудь Ив стеснило. Как они ей омерзительны, мать и сын, и их крокодиловы слезы! Ах, если бы сегодня в промерзлую землю опустили не только Кейт, но и Александру! Тогда счастье Ив было бы полным.

Муж Александры, Питер Темплтон, известный психиатр, не отходил от жены. Высокий, темноволосый и голубоглазый, он больше походил на футболиста, чем на врача. Он и Алекс составляли красивую пару. Когда-то Питер был достаточно самоуверен, чтобы вообразить, будто разгадал Ив. Считал, что видит ее насквозь, до озера кипящей лавы-ненависти, бурлившей в ее душе. Александра, бесконечно великодушная по натуре, так и не поняла, как велика злоба сестры. Зато ее муж знал.

Ив улыбнулась.

«Тщеславный дурак! Тешит себя мыслью, будто изучил меня! На деле же едва царапнул поверхность монолитной глыбы!»

Нет, священник не нашел бы смирения в Питере Темплтоне.

Как насчет ее собственного мужа, выдающегося пластического хирурга Кита Уэбстера? По мнению многих, он был человеком скромным и смиренным. Как там они выражались?

– Дорогой доктор Уэбстер хоть и великий хирург, но ужасно скромен и не кичится своими талантами.

В этот момент Кит заботливо обнял жену за плечи, и по ее спине поползли мурашки отвращения.

Заботлив? Он не заботлив. Просто считает себя ее хозяином. Пустил в ход шантаж, чтобы вынудить согласиться на брак, потом намеренно изуродовал ее прекрасное лицо, превратив в чудовище, годное лишь для ярмарочного шоу уродов. Все ради того, чтобы она его не бросила.

Ничего, в один прекрасный день этот ублюдок заплатит за все!

У Ив Блэкуэлл было множество недостатков, но глупость к ним не принадлежала. Она знала, что деревья и кусты вокруг церкви Святого Стефана кишат фотоаппаратами, и всем нужно одно: раздобыть снимок ее жуткой физиономии.

Да ну, какая разница?! Пусть идут к дьяволу! Всей компанией!

Сзади ее фигура по-прежнему оставалась идеально женственной. Но спереди была закрыта вуалью, почти касавшейся земли. Никакие объективы не могли бы проникнуть сквозь толстое кружево ручной работы. Ив об этом позаботилась.

Когда-то ее фото мелькали во всех журналах. Ив Блэкуэлл, считавшаяся неотразимой, вот уже много лет была затворницей, почти никогда не покидавшей пентхаус на Манхэттене. Боявшейся показать миру свое чудовищно изменившееся лицо. Сегодня она появилась на людях впервые за два года, а до этого – на девяностолетнем юбилее бабушки в Сидар-Хилл-

Хаусе, личном Камелоте Блэкуэллов, возвышавшемся всего в нескольких ярдах от того места, где находилась могила старой женщины.

Кейт Блэкуэлл была счастливицей, потому что ушла к своим возлюбленным призракам: Джейми, Маргарет, Бэнде, Дэвиду, духам долгого и бурного прошлого «Крюгер-Брент».

При всем многообразии слухов, ходивших о ее беременности, – и Ив, и Александра ожидали ребенка, но семья отказывалась сделать сообщение для прессы, – Ив отчетливо сознавала, что цена за ее голову удвоилась. Не было такого американского издателя таблоида, который не продал бы душу за пусть и плохонький снимок беременного Чудовища Блэкуэллов.

Подумать только, они называют ЕЕ чудовищем!

– Господи, услышь народ свой, который взывает к тебе...

Ив молча наблюдала, как гроб Кейт Блэкуэлл опускают в землю. Брэд Роджерс, заместитель Кейт в течение тридцати лет, подавил рыдание. Сам глубокий старик, с белыми и тонкими, как слой февральского снега, волосами, Брэд был почти сломлен смертью Кейт, которую тайно любил все эти годы. Вот только она так и не ответила на его любовь.

«Какая она крошечная!» – изумленно подумала Ив, когда маленький деревянный ящик исчез в глубине могилы. Кейт Блэкуэлл, при жизни казавшаяся едва ли не великаншей, которую боялись президенты и короли, в смерти выглядела высохшей и почти ничтожной.

«Не слишком сытный пир для червей твоего любимого Дарк-Харбора, не так ли, бабуля?...»

Много лет подряд Кейт Блэкуэлл была Немезидой Ив. Она сделала все, чтобы помешать своей преступной внучке достичь единственной в жизни цели: получить контроль над семейной компанией, могущественной «Крюгер-Брент».

Но Кейт Блэкуэлл больше нет.

– Даруй ей вечный покой, о Господи, и пусть бесконечный свет сияет над ней.

«Скатертью дорога, злобная старая ведьма. Надеюсь, ты сгниешь в аду!»

– Да покоится она с миром.

Дэнни Коретти обескураженно рассматривал лежавшие перед ним негативы. Спина после сегодняшнего утра все еще чертовски болела, а теперь, кажется, начиналась и мигрень.

– Раздобыл что-нибудь?

В голосе приятеля звучали фальшиво-оптимистичные нотки, хотя он прекрасно знал, чем кончилось дело.

Двести тысяч не получит никто.

Ив Блэкуэлл перехитрила всех.

Глава 2

Сестра Мэтьюз, сотрудница родильного отделения нью-йоркского медицинского центра «Маунт Синай», исподтишка наблюдала, как красивый мужчина средних лет впервые берет на руки новорожденного ребенка.

Он неотрывно смотрел на малышку, безразличный ко всему окружающему. Сестра потихоньку вздохнула.

Наверное, любит свою милую дочурку...

Приятно пухленькая, с круглым открытым лицом и вечной улыбкой наготове, подчеркивавшей веера морщинок вокруг глаз, она, более десяти лет проработавшая акушеркой, видела подобные моменты тысячи раз, – и сотни раз именно в этой комнате. Потрясенные папаши, с глазами, горящими чистой любовью. Любовью, которую им выпало счастье познать в этой жизни. Подобные минуты с лихвой окупали все недостатки работы акушерки: многочасовые смены, скудное жалование, снисходительные взгляды врачей-акушеров, считавших себя богами лишь потому, что им посчастливилось иметь не только дипломы, но и пенисы. Окупали редкие моменты трагедий, случавшихся в родильном отделении.

Отец осторожно провел пальцем по щеке дочери. Сестра Мэтьюз решила, что он очень красив: высокий, широкоплечий брюнет. Прямо классический киногерой. Именно такие ей нравились.

Она покраснела.

Что это ей в голову взбрело? Она не имеет права думать о чем-то подобном. Особенно в такие минуты!

– Иисусе! Она так похожа на мать, – пробормотал мужчина.

И это чистая правда. Полупрозрачная кожа малышки имела тот же самый нежный персиковый оттенок, как у девушки, в которую он влюбился много лет назад. И большие пытливые глаза оттенка предрассветного тумана, поднимающегося от океанской глади. Даже подбородок с ямочкой тоже унаследован от матери. На какое-то мгновение отцовское сердце наполнилось радостью при виде девочки. На губах заиграла невольная улыбка.

Его дочь. Их дочь. Такая крошечная. Такая красивая. Само совершенство.

Но тут он увидел собственные, залитые кровью руки.

И пронзительно закричал.

* * *

Когда сегодня утром они ехали в больницу, Алекс была вне себя от волнения.

– Представляешь, всего через несколько коротких часов она будет с нами!

Она так и не передела пижаму. Длинные светлые волосы были спутаны после крепкого сна, но Питеру казалось, что от нее исходит свет. На лице играла улыбка шириной с туннель Линкольна³, а если она и нервничала, то это было совсем незаметно.

– Наконец-то мы ее увидим!

– Или его.

Питер крепко сжал руку жены.

– Не-а! Ни в коем случае. Это девочка. Я точно знаю.

Она проснулась в шесть утра от довольно легких схваток и настояла на том, чтобы подождать еще два часа, прежде чем разрешила мужу отвезти ее в «Маунт Синай». Два часа, в течение которых Питер Темплтон шестнадцать раз поднялся и спустился по лестнице их роскош-

³ Туннель в Нью-Йорке, под рекой Гудзон. Соединяет Манхэттен и штат Нью-Джерси.

ного особняка в Уэст-Виллидж, выпил четыре чашки кофе, от которого во рту было горько, сжег три тоста и накричал на сына Роберта за то, что тот проспал школу, прежде чем экономка успела напомнить, что сейчас середина июля и каникулы начались пять недель назад...

Даже в больнице Питер суетился вокруг жены, как мать-наседка.

– Что тебе принести? Нагретое полотенце?

– Я в порядке, милый.

– Воды?

– Нет, спасибо.

– Колотого льда?

– Питер...

– Как насчет музыки для медитаций, которую ты всегда слушаешь? Она ведь успокаивает, верно? Я могу добежать до машины и взять кассету.

Алекс рассмеялась. Сама она была на удивление спокойна.

– По-моему, ты нуждаешься в музыке куда больше меня. Послушай, дорогой, попытайся расслабиться. Я рожая. Женщины делают это каждый день. Все будет прекрасно.

Все будет прекрасно...

Первые проблемы начались примерно час спустя. Взглянув на один из мониторов, акушерка озабоченно нахмурилась. Ровную зеленую линию исказили острые зубцы.

– Доктор Темплтон, отойдите, пожалуйста.

Питер отчаянно пытался прочитать что-то по лицу женщины, словно нервный пассажир, следящий за стюардессой, когда самолет попал в зону турбулентности... по-прежнему ли она улыбается и раздает джин с тоником? Ведь никто не погибнет, правда?

Но из сестры Мэттьюз получился бы первоклассный игрок в покер. Лицо ее оставалось непроницаемым. Уверенно передвигаясь по комнате, она растянула губы в профессиональной улыбке, предназначенной Алекс, резко кивнула санитару, давая знать, что пора бежать за доктором Фарраром, и немедленно отвернулась.

– Что?! Что случилось?!

Питер старался не выказать паники. Не дай Бог, Алекс что-то поймет! Ее мать умерла, рожая близнецов, и этот обрывок семейной истории неизменно ужасал Питера. Он так любил Александру! Если с ней что-то случится...

– У вашей жены немного повышено давление, доктор Темплтон. Но на этом этапе нет причин волноваться. Я попросила доктора Фаррара прийти и оценить ситуацию.

Впервые за все это время лицо Александры затуманилось тревогой.

– А малышка? С ней все хорошо? Или...

Типичная Алекс. Ни единой мысли о себе. Только о ребенке. Точно так же все было с Робертом. Прошло десять лет со дня рождения сына, и все это время он был для матери центром вселенной. Будь Питер другим, менее благородным, менее великодушным человеком, он наверняка бы возревновал. Но отношения между матерью и сыном наполняли его искренней радостью и таким восторгом, что временами он едва сдерживался.

Невозможно вообразить более преданную, обожающую и самоотверженную мать, чем Александра! Питер никогда не забудет тот день, когда Роберт слег с тяжелой формой ветрянки. Ему было пять лет, и Алекс просидела у его постели сорок восемь часов, ухаживая за сыном и настолько поглощенная его состоянием, что не выпила и глотка воды. Вернувшись домой с работы, Питер застал ее на полу в глубоком обмороке. Она была настолько обезвожена, что пришлось везти ее в больницу и ставить капельницы.

Голос акушерки вернул его в настоящее. Питер от неожиданности вздрогнул.

– С ребенком все в порядке, миссис Темплтон. В самом худшем случае мы ускорим роды и сделаем кесарево.

Алекс побелела.

– Кесарево?!

– Постарайтесь не волноваться. Возможно, до этого не дойдет. Пока что сердце бьется идеально. Ваш ребенок силен, как бык.

Сестра Мэтьюз даже рискнула улыбнуться.

Питер будет помнить эту улыбку, пока жив. Последний кусочек его прежней, счастливой жизни.

Потому что после этой улыбки в реальность вторгся кошмар. Время словно остановилось. Явился акушер, доктор Фаррар, высокий мрачный мужчина лет шестидесяти, с худым лицом и очками, постоянно грозившими сползти с кончика длинного острого носа. Зеленая линия на мониторе зажила своей, отдельной жизнью, словно чья-то невидимая рука тянула ее выше, выше, пока она не стала выглядеть прозрачным схематическим изображением северного склона Эйгера⁴. Питер впервые в жизни видел подобное уродство. Потом раздался назойливый писк. Сначала один прибор, потом два, потом три... все громче и громче... словно сами стены вопили и визжали, и вопли превратились в крик Алекс: «Питер! Питер!» – и он протянул ей руку, и вернулся в день их свадьбы, и его пальцы дрожали.

– Ты берешь эту женщину в жены?

– Беру... Беру! Я здесь, Алекс! Я здесь, дорогая!

И голос доктора:

– Ради всего святого, кто-нибудь, уведите его отсюда.

Питера выталкивали, но он сопротивлялся, и что-то с грохотом свалилось на пол. Внезапно звуки пропали, и все превратилось в цвет. Сначала белый: белые халаты, белый свет, такой сильный, что Питер едва не ослеп.

Потом красный: цвет крови Алекс. Кровь. Повсюду кровь, реки и реки крови, чересчур яркой, похожей на кетчуп или киношную имитацию.

И наконец, черный, словно экран медленно погас, и Питер падал в колодец, вниз, вниз, вниз, глубоко в темноту, и только изображения его дорогой Алекс мелькали перед глазами, словно призраки былого.

Вспышка!

День их первой встречи в кабинете Питера, когда Александра была еще замужем за тем психопатом Джорджем Меллисом.

Вспышка!

Улыбка, словно освещавшая ее изнутри, когда она шла по церковному проходу, где у алтаря ее ждал Питер. Ангел в белом...

Вспышка!

Первый день рождения Роберта. Сияющая Алекс с перепачканным шоколадом лицом.

Вспышка!

Это утро в машине.

– Наконец-то мы ее увидим...

– Доктор Темплтон! Доктор Темплтон, вы меня слышите?

– Мы его теряем. Он отключился.

– Быстро! Кто-нибудь, подхватите его!

Больше никаких вспышек. Только молчание и мрак.

Призраки исчезли.

Реальность не возвращалась, пока он не услышал детский крик.

Он пришел в себя с полчаса назад. Разговаривал с доктором и акушеркой. Даже подписывал какие-то документы. Но все было как во сне.

⁴ Горная вершина в Бернском кантоне Швейцарии. С северо-востока выглядит характерным рогом.

- Вы должны понять, доктор Темплтон, что при таком кровотечении...
- Скорость кровопотери...
- Совершенно необычный случай... может, это наследственное?
- С какого-то определенного времени восстановить работу сердца было невозможно.
- Глубоко скорбим... такое несчастье...

И Питер кивал: да, он, конечно, понимает – они сделали все, что могли. И тупо наблюдал, как они увозят Алекс, закрыв ее пепельно-серое лицо больничной простыней в пятнах крови. Он стоял на месте, дыша ровно и спокойно. Ведь всего этого на самом деле нет. Да и как это может быть? Его Алекс жива. И все это какой-то глупый фарс. Ради всего святого, в наше время женщины не умирают от родов. На дворе восемьдесят четвертый, и они в Нью-Йорке!

И тут, словно из ниоткуда, донесся пронзительный, жалобный крик, проникший сквозь пелену шока. Даже в состоянии полного ступора Питер не смог его игнорировать. Неожиданно кто-то протянул ему крохотный сверток, и Питер, сам не понимая почему, уставился в глаза дочери. И тут камни защитного барьера, которым он старательно окружил сердце, стали стремительно рассыпаться в пыль. В этот блаженный момент его кровоточащее сердце наполнилось чистой любовью.

Прежде чем разбиться.

Сестра Мэтьюз почти вырвала ребенка из рук отца и сунула санитару:

– Отвезите в детскую палату. И немедленно позовите сюда психиатра. Отец явно не в себе.

Сестра Мэтьюз славилась хладнокровием и была незаменима на случай кризиса. Но сейчас ее терзали угрызения совести. Не нужно было давать ему ребенка. О чем она только думала? После того, что пережил этот бедняга... Да он мог попросту убить девочку!

Впрочем... доктор Темплтон казался весьма выдержанным. Всего четверть часа назад он подписывал документы и разговаривал с доктором Фарраром, а потом...

Крики Питера становились все громче. Посетители, столпившиеся в коридоре, обменивались встревоженными взглядами и вытягивали шеи, чтобы лучше рассмотреть происходившее сквозь стеклянную дверь родильной палаты.

В него снова вцепились. Питер ощутил болезненный укол иглы. Уже теряя сознание, он знал, что мирная тьма колодца никогда больше не вернется к нему.

Что это не кошмарный сон.

Это явь.

Возлюбленная Алекс ушла навсегда.

Как порезвится теперь пресса!

АЛЕКСАНДРА БЛЭКУЭЛЛ УМИРАЕТ В РОДАХ!

Для посторонних она всегда будет Александрой Блэкуэлл. Впрочем, Ив тоже будет известна под своей девичьей фамилией. «Темплтон» и «Уэбстер» просто не имели того блеска.

НАСЛЕДНИЦА «КРЮГЕР-БРЕНТ» МЕРТВА В ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА!

ПЕРВОЕ СЕМЕЙСТВО АМЕРИКИ ПЫТАЕТСЯ ПЕРЕНЕСТИ ПОТЕРЮ!

Национальное помешательство на Блэкуэллах не утихало вот уже пять десятилетий. Но после «неудачной операции» Ив прессе впервые бросили столь лакомую кость. Слухи поражали своей пестротой и нелепостью.

Никакого ребенка не было. Александра умерла от СПИДа.

Красавец муж Александры завел любовницу и каким-то образом ухитрился разделаться с женой.

Это правительственный заговор с целью понизить цену акций «Крюгер-Брент» и ограничить огромную власть компании на мировой арене.

Никто, подобно Питеру Темплтону, не мог поверить, что здоровая, богатая молодая женщина попала в лучшую женскую больницу Нью-Йорка летом 1984 года, чтобы двадцать четыре часа спустя очутиться в холодильнике морга.

Слухи подогревались ледяным молчанием со стороны семейства и пресс-центра «Крюгер-Брент». Брэд Роджерс, исполнявший обязанности президента после смерти Кейт, всего один раз появился перед камерами. Бедняга выглядел даже старше своих восьмидесяти восьми лет и походил на седовласый призрак. Держа бумагу в дрожащих, морщинистых руках, он прочитал короткое сдержанное заявление:

– Трагическая и безвременная кончина Александры Темплтон – дело исключительно частное. Миссис Темплтон не имела официальной должности в «Крюгер-Брент», и ее кончина никак не повлияет на управление или будущее великой компании. Мы просим уважать скорбь ее родных и постараемся не допустить вмешательства посторонних в личную жизнь семьи. Спасибо.

Отказавшись отвечать на вопросы, он с видом потревоженной пчелы, стремящейся в безопасность своего улья, исчез в лабиринте коридоров административного здания «Крюгер-Брент».

Не смущаясь отсутствием официальной информации, а возможно, воодушевленные именно этим обстоятельством, таблоиды окончательно распоясались. Каждый считал долгом выступить со своей историей. Скоро фабрика слухов зажила собственной жизнью, и к этому времени никто, включая родных умершей, не смог бы ее остановить.

– Мы просто обязаны что-то предпринять в связи с этими гнусными статейками!

Питер Темплтон, потрясая газетой, метался по кабинету, как разъяренный тигр в клетке. Эту комнату с потертыми персидскими коврами, антикварным прямострунным пианино Викторианской эпохи, ореховыми панелями, шкафами, набитыми первыми изданиями редких книг, Алекс очень любила и считала убежищем, куда можно спрятаться после тяжелого дня.

– Ради всего святого, пойми, это же «Нью-Йорк таймс», не какой-то бульварный листок! – продолжал Питер, брезгливо кривя губы: – Насколько нам известно, Александра Блэкуэлл некоторое время страдала от проблем с иммунной системой». Откуда это им известно? Где они раздобыли эту информацию?!

Доктор Барнабас Хант, пухленький Санта-Клаус с лысинкой на макушке, окруженной ежиком белых волос, и постоянно румяными щеками, задумчиво затянулся трубкой. Коллега и старый друг Питера Темплтона, он после смерти Александры был частым гостем в этом доме.

– Какая тебе разница, откуда они это взяли? Ты знаешь мой совет, Питер. Не читай всякий мусор. Будь выше.

– Хорошо тебе говорить, Барни. А Робби? Бедному парню день и ночь льют яд в уши.

Впервые за несколько недель Питер позаботился о чувствах сына. По мнению Барни Ханта, это был хороший знак.

– Словно его мать была кем-то вроде проститутки, – продолжал бушевать Питер, – или лесбиянкой, или... наркоманкой. Значит, ей легче было подхватить СПИД, чем...

В других обстоятельствах Барни Хант мягко опроверг бы рассуждения друга. Питер, как врач, прекрасно знал нелепость пагубных утверждений, будто СПИД – это некий род наказания свыше для грешников всех мастей. И за это тоже следовало винить прессу, ввергнувшую всю страну в истерию из-за ВИЧ. Недаром геев избивали на улицах, выгоняли с работы и даже по поводу квартир, словно смертельная болезнь может распространяться при простом общении. В 1984 году быть геем в Нью-Йорке было опасно, и Барни Хант знал об этом куда больше, чем представлял его друг Питер Темплтон.

Но сейчас не время рассуждать на подобные темы. Прошло всего шесть недель после смерти Алекс, и скорбь Питера все еще была как открытая рана. Его офис в «Крюгер-Брент» оставался пустым. Правда, и дел у него особенных не было. Женившись на Александре, он поклялся Кейт Блэкуэлл, что никогда не войдет в семейный бизнес.

– Если не возражаете, миссис Блэкуэлл, я останусь верным своему призванию. Я врач, а не бизнесмен.

Но в последующие годы старуха все-таки его дождала. Кейт считала, что мужчины ее семьи обязаны участвовать в работе «фирмы», как она ее называла. А Кейт Блэкуэлл всегда добивалась своего.

Но теперь Кейт, как и Александра, лежит в могиле. И некому помешать Питеру целые дни проводить в своем кабинете с отключенным телефоном, тупо глядя в окно.

Однако истинная трагедия заключалась не в бегстве Питера от жизни. Смерть Александры вбила клин между Питером и его сыном.

Робби Темплтон был крестником Барни Ханта. Тот знал мальчика с рождения и собственными глазами наблюдал необычайно тесную связь между Робби и Александрой. Как психиатру, ему лучше других было известно, каким ужасным ударом может стать потеря матери для десятилетнего мальчика. Если не уделить этому должного внимания, подобное событие может фатально изменить личность ребенка. Мертвая мать и равнодушный отец – две основные составляющие психопатического поведения в будущем. Из подобных людей иногда вырастают серийные маньяки, насильники и террористы-смертники. Опасность для Робби была весьма реальной. Но Питер наотрез отказывался это признавать.

– Роб в порядке, Барни, – твердил он. – Оставь его в покое.

По мнению Барни, Питер убедил себя, что сын прекрасно держится, лишь потому, что ребенок всю скорбь и ужас носил в душе и ни разу не заплакал со дня смерти Алекс (весьма тревожный признак). Конечно, Питер тоже врач и мог придерживаться иного мнения. Но Питер Темплтон – психиатр исчез, сраженный болью Питера Темплтона – мужчины.

А вот Барни Хант по-прежнему оставался психиатром и поэтому ясно видел, что происходит. Робби вопил, призывая отца. Умоляя о помощи, любви, утешении.

К несчастью, крики его были безмолвны.

Пока Питер и Робби скользили мимо друг друга, как два призрака, и лишь в одном члене семьи Темплтон тлела крохотная, мерцающая искра надежды на лучшее. Малышка, названная Александрой в честь матери, но с самого начала именуемая Лекси, была настоящим чудом.

Никто не объяснил Лекси, что следовало бы скорбеть по матери. Ничего не подозревавшая крошка вопила, гулила, улыбалась и самозабвенно потрясала крошечными кулачками, нисколько не подозревая о трагических событиях, сопровождавших ее приход в этот мир.

Барни Хант не особенно разбирался в младенцах: закоренелый холостяк и латентный гомосексуалист, он считал своей жизнью психиатрию, но для Лекси сделал исключение. Едва ли не впервые в жизни он видел столь жизнерадостное создание. Светловолосая, с тонкими чертами красивого личика и пытливыми серыми глазами матери, она улыбалась «когда бы ни прошел ты мимо», подобно «последней герцогине» Роберта Браунинга, и с удовольствием лежала на руках как у посторонних, так и у заботливой няни.

Однако самые широкие улыбки она приберегала для брата. Робби был заморожен младшей сестрой с того момента, как она прибыла домой из больницы. Возвращаясь из школы, он сразу же бежал поздороваться с ней и ужасно раздражал акушерку тем, что в любой час дня и ночи мчался напрямик к колыбельке, стоило только девочке заплакать.

– Вы не должны так паниковать, мастер Роберт.

Акушерка пыталась быть терпеливой. Что ни говори, а мальчик совсем недавно потерял мать.

– Младенцы всегда плачут. Это не означает, что с ней что-то случилось.

Робби презрительно смотрел на женщину.

– В самом деле? Откуда вам знать?

Откинув мягкое кашемировое одеяльце, он поднимал сестру, прижимал к груди и осторожно укачивал, пока плач не стихал. Было два часа ночи. За окном детской полная луна освещала небо Манхэттена.

– Ты где-то там, мама? Видишь ли ты меня? Видишь, как хорошо я о ней забочусь?

Все, включая Барни, боялись, как бы Робби не начал испытывать к малышке весьма противоречивые чувства. Он ведь мог даже обозлиться на нее, по-детски «обвинив» Лекси в смерти матери. Но Робби поражал окружающих взрывом братской любви, столь же неожиданной, сколь и искренней.

Лекси стала средством исцеления Робби, – Лекси и его любимое пианино. Стоило ощутить под пальцами гладкую, прохладную слоновую кость, как Робби переносился в другое время и место. Действительность исчезала, и он становился единым целым с инструментом. Телом и душой он был предан музыке. В такие моменты он знал, что мать с ним. Просто знал, и все.

– Роберт, дорогой, не стой на пороге. Входи.

Деланное радушие в голосе Питера было слишком очевидно для Барни. Тот слегка поморщился и, повернувшись, увидел в дверях крестника, робко переминавшегося с ноги на ногу.

– И дядя Барни здесь. Подойди, поздоровайся.

Робби нервно улыбнулся:

– Привет, дядя Барни.

У Барни упало сердце. Раньше мальчика никак нельзя было назвать нервным. Кого он боится? Отца?

Встав, он хлопнул Робби по спине:

– Привет, дружище! Как поживаешь?

– Хорошо.

Лгунишка...

– Мы с твоим папой как раз говорили о тебе. Хотели узнать, как твои дела в школе.

– В школе? – удивился Робби.

– Ну да, знаешь, насчет других ребят... Здорово они к тебе пристают? С теми глупостями, о которых пишут в газетах?

– Вовсе нет. В школе все нормально. Мне там нравится.

Школа была способом сбежать из дома. Сбежать от скорби и отцовского равнодушия.

– Хочешь о чем-то меня спросить? – сухо осведомился Питер. Он даже не встал из-за стола, когда вошел сын: спина неестественно выпрямлена, тело напряжено, как у заключенного перед расстрелом. Ему хотелось, чтобы Робби поскорее ушел.

Питер Темплтон любил сына. И вполне отчетливо сознавал, что бросает его в трудную минуту. Но при каждом взгляде на мальчика его охватывал такой неистовый гнев, что он едва мог дышать. Поразительно тесная связь между Робби и Александрой, любовь матери и сына, бывшая когда-то предметом величайшего восторга Питера, теперь, как ни странно, вызывала в нем бешеную ярость, словно Робби украл у него эти часы, бесчисленные моменты любви Алекс. Теперь она ушла навсегда, а Питер хотел вернуть эти моменты.

Он понимал, что это безумие. И что Робби ни в чем не виноват. Но ярость жгла грудь серной кислотой. Горчайшая ирония заключалась в том, что Питер не испытывал ничего, кроме любви к Лекси, ставшей причиной смерти Алекс. В его пропитанном скорбью мозгу Лекси, как и он сам, казалась жертвой. Бедняжка никогда не узнает матери. А Роберт? Роберт – вор. Он украл у Питера Александру. И отец не мог простить сына.

Даже сейчас Питер иногда слышал, как мальчик мысленно говорит матери: «Мама, ты здесь? Мамочка, это я».

Когда Робби сидел за пианино с блаженной улыбкой, Питер знал, что Алекс сейчас с ним, утешает его, любит, прижимает к груди. Но когда он сам просыпался по ночам, выкрикивая имя жены, не оставалось ничего. Ничего, кроме мрака и молчания могилы.

– Нет, па, – прошептал Роберт чуть слышно. – Мне ничего не нужно. Я... я хотел поиграть на пианино. Ладно, приду в другой раз.

При слове «пианино» на щеке Питера задергалась жилка. До этого он машинально постукивал карандашом по столешнице. Теперь же сжал его так сильно, что он треснул в ладони.

– Ты в порядке? – нахмурился Барни.

– В полном.

Но вопреки его словам на полированную столешницу медленно закапали тяжелые алые капли.

Барни ободряюще улыбнулся крестнику.

– Мы скоро уйдем. Еще пять минут, а потом я сам тебя найду. Поиграем в прятки, договорились?

– Заметано.

Еще одна застенчивая улыбка, и Робби исчез, бесшумно выскользнув из комнаты.

Барни набрал в грудь воздуха.

– Знаешь, Питер, мальчик нуждается в тебе. Он тоже мучается. Он...

Питер повелительно поднял руку:

– Барни, мы уже это обсуждали. Роберт в полном порядке. Если непременно хочешь о чем-то тревожиться, лучше подумай, что делать с чертовыми репортерами. Вот она, проклятая проблема. О'кей?

Барни покачал головой.

Он сочувствовал Роберту, искренне сочувствовал. Но что он мог поделать?

Ив Блэкуэлл закрыла глаза и попыталась фантазировать о чем-то таком, что непременно доведет ее до оргазма.

– Так хорошо, малыш? Тебе нравится?

Кит Уэбстер, ее муж, буквально утопая в поту, долбил ее сзади, как перевозбужденный терьер. Он настаивал на регулярных, по его выражению, «занятиях любовью» во время всей беременности Ив. Теперь, когда роды вот-вот начнутся, живот так чудовищно разбух, что приходилось становиться в собачью позу, что вполне устраивало Ив, которой больше не приходи-

лось смотреть на оплывшее, похожее на морду хорька лицо Кита, искаженное гримасой чувственного экстаза, каждый раз, когда он занимался любовью.

Если это можно так назвать. «Петушок» Кита был таким маленьким, что мог считаться не более чем слабым раздражителем. Ощущение было такое, словно плохо воспитанный ребенок сидит сзади тебя в кинотеатре и постоянно толкает ногой спинку твоего кресла.

Ив изобразила стон.

– Великолепно, дорогой. Я почти кончила! – И неожиданно для себя содрогнулась в оргазме, затерявшись мыслями в восхитительной, медленной смене слайдов с картинками прошлого.

Кит соскользнул с ее спины, как жаба с мокрого камня, и откинулся на подушки, полузакрыв глаза в посткоитальном удовлетворении.

– Невероятно! Ты в порядке, лапочка? А малыш?

Ив любовно погладила живот:

– Малыш у нас молодец. Не волнуйся, дорогой.

Кит нервничал с самого первого месяца беременности жены, но после смерти Александры буквально сходил с ума от беспокойства. Все знали, что Мэриен, мать Ив и Александры, умерла в родах. Теперь та же самая участь постигла Алекс. Легко представить, что следующей будет Ив. Что какой-то неизвестный генетический порок таился в тени, ожидая подходящего момента, чтобы украсть его возлюбленную.

Кит Уэбстер влюбился в Ив Блэкуэлл с первого взгляда. И ходившие о нем слухи были верны: вскоре после свадьбы он намеренно изуродовал ее лицо. Воспользовался безграничным тщеславием Ив, испугавшейся, что ее красота увядает, и согласился сделать операцию по удалению морщинок в уголках глаз. А потом дал ей наркоз, и когда она оказалась целиком в его власти, искромсал скальпелем прекрасные черты беспомощной женщины.

Сначала Ив была вне себя от ярости. Но Кит не ожидал ничего иного. Зато теперь она прекрасно понимала ситуацию. Ему пришлось так поступить. У него не было иного выхода. Пока Ив оставалась столь обворожительной, невероятно красивой, он рисковал потерять ее. Отдать другим, менее достойным мужчинам. Которые никогда не будут любить ее так, как он. Мужчинам вроде Джорджа Меллиса, когда-то избившего Ив так жестоко, что та едва не умерла. Тогда Кит буквально собрал ее лицо, на котором не осталось ни следа страшного испытания. Именно в тот день они встретились впервые. Ив была так трогательно благодарна ему, что он влюбился, тут же и навсегда. Но что Кит Уэбстер дает, Кит Уэбстер может и отнять.

Ив было необходимо усвоить этот урок.

Окружающие могли счесть гротескно-уродливое лицо его жены отталкивающим. Но только не Кит Уэбстер. В его глазах Ив навсегда останется красавицей. Самым прекрасным на земле созданием.

Кит не питал иллюзий относительно собственной внешности. Глядя в зеркало, он видел тощего близорукого коротышку, к лысине которого липли скудные пряди рыжеватых волос, похожие на полусгнившие водоросли. Женщины никогда им не интересовались. Даже самые невзрачные. Что уж говорить о таких безумно привлекательных, как Ив Блэкуэлл? Тогда он без зазрения совести пустил в ход шантаж, чтобы заставить Ив стать его женой. Кит знал, что она убила Меллиса, и пригрозил донести в полицию, если она не выйдет за него. При этом он никогда ни о чем не жалел. В конце концов, как еще он мог ею завладеть? Решить ее и свою участь?

Ив снова не оставила ему выбора.

Нежно глядя живот жены, Кит хмелел от счастья. Сама Ив, боясь фотографов и издевок посторонних, стала настоящей узницей их пентхауса с тех самых пор, как он «воссоздал» ее – именно так Кит предпочитал называть то, что сделал много лет назад. Заточенная в четырех стенах, не имея других занятий, кроме как потворствовать любому капризу мужа, она наконец

капитулировала и дала Киту то, о чем он мечтал больше всего на свете: ребенка. Их ребенка. Живое подтверждение их любви.

Чего еще может желать мужчина?

Беременность бедняжки проходила на редкость тяжело. Токсикоз буквально истерзал ее. К тому же, хотя Кит знал, как ненавидит жена свою сестру, он все же был уверен: внезапная смерть Александры сильно напугала Ив.

А до родов осталось всего несколько недель.

Благоговейно склонив голову и бормоча нежные слова, обращенные к нерожденному ребенку, он приложился губами к животу жены.

Скоро малыш появится на свет. И тогда все неприятности закончатся, а боль прошлого забудется.

Роды были долгими и мучительными. Пока папарацци, словно почуявшие кровь гончие, отирались под окнами больницы, Ив страдала шестнадцать часов, чувствуя, как тело разрывает адская боль.

– Уверены, что не хотите болеутоляющего, миссис Уэбстер? Укол петидина облегчит неприятные ощущения от схваток.

– Моя фамилия Блэкуэлл! – прошипела Ив сквозь зубы. – И мне не нужно болеутоляющее.

В этом она была тверда как скала. Никаких наркотиков. Никаких болеутоляющих. Она зачала этого ребенка, чтобы вершить месть, обрушить на врагов заслуженное наказание, вернуть украденное наследство – «Крюгер-Брент». И справедливо, если ребенок будет рожден в страданиях. Если первым услышанным им звуком будут крики матери.

Не презирай она Кита с такой силой, возможно, могла бы даже его пожалеть. Жалкая, ничтожная тряпка, слизняк, которому удалось посадить ее в клетку, действительно верил, что она счастлива иметь его ребенка! Кудахтал над ней, как наседка, искренне страдал из-за ее токсикоза... но только токсикоза не было! Изнуряющие приступы рвоты были вызваны глубочайшим отвращением. Одной мысли о том, что внутри растет семя Кита, было достаточно, чтобы ее вывернуло наизнанку.

Да, она позволила ему сделать ей ребенка. И забеременела не случайно. Но муж считает, что она понесла от любви к нему!

Ив громко рассмеялась. Безумная самонадеянность Кита не знала границ.

На самом деле Ив Блэкуэлл ненавидела мужа. Ненавидела с убийственной страстью, такой сильной, что удивительно, как это медсестры не ощущают запаха ненависти, которой пропитана ее кожа.

Когда Кит впервые снял повязки и показал Ив ее жуткое лицо, она отчаянно закричала. И продолжала кричать, пока не отключилась. Несколько недель подряд она рыдала и неистовствовала, переходя от истерики к приступам ярости, от шока – к неверию и ужасу. Как ни странно, сначала она, как ребенок, цеплялась за Кита. Да, он преступник, и его поступок не имеет названия, но больше у нее никого не было. Без его защиты ее могли бросить на растерзание волкам, разорвать на куски, как загнанное животное.

Но со временем Ив перестала волноваться, что Кит ее бросит. Она с веселым ужасом вдруг осознала, что этот человек настолько спятил, что все еще находит ее привлекательной. Именно Кит Уэбстер превратил Ив в чудовище. Чудовище Блэкуэллов. Но она была ЕГО чудовищем, а остальное для Кита значения не имело.

– Головка, миссис Уэб... миссис Блэкуэлл! Я вижу головку!

Почему эти сестры все время улыбаются? Неужели не понимают, как ей плохо? Хихикают, как глупые школьницы!

Слава Богу, хоть Кит согласился остаться в комнате ожидания для будущих отцов...

– Я хочу, дорогой, чтобы ты по-прежнему находил меня сексуальной! Сам знаешь, что говорят о мужчинах, которые присутствуют при родах. Это может навсегда испортить сам знаешь что, – умоляла Ив.

Кит твердил, что никакие роды не могут убить его страсть к ней. Но, к удивлению Ив, согласился уйти.

– Тужьтесь! Сейчас все закончится!

Боль была такой острой, что Ив удивилась, почему не теряет сознания. В голове не осталось ни единой мысли. Сейчас она сосредоточилась только на том, что происходило внутри.

И вдруг вспомнила об Алекс, впервые осознав, какой мучительной и страшной была смерть сестры.

Вот и прекрасно!

Что за ирония судьбы! Ив столько времени и усилий потратила на то, чтобы убить сестру! В вечер их пятого дня рождения подожгла на ней ночную рубашку, устраивала несчастные случаи во время прогулок верхом и в лодке и, наконец, задумала хитроумный план убийства, взяв в сообщники Джорджа Меллиса. Зная, что того лишили наследства за весьма специфические склонности к садизму и убийству, Ив уговорила его влюбить в себя Александру и жениться. Меллису предстояло завоевать доверие Алекс, убедить ее составить новое завещание в пользу мужа, включая контрольный пакет акций «Крюгер-Брент», а потом избавиться от жены и разделить наследство с Ив.

Но Алекс каким-то образом каждый раз удавалось выжить. Сучка походила на одну из новомодных именинных свечей, которые никак не удается задуть! А потом – бац! Господь Бог наконец услышал молитвы Ив и одним движением пальца стер с лица земли ненавистную сестрицу, как мел с классной доски!

Александра Блэкуэлл, наследница «Крюгер-Брент» и прославленная красавица, умерла в родах тридцати четырех лет от роду.

Идеально! Почти библейский сюжет!

Ив слышала громкий вопль раненого животного и не сразу поняла, что это ее собственный голос. Голос женщины, истерзанной последней схваткой. Еще секунда, и между ногами что-то зашевелилось. Маленькое скользкое создание, покрытое белой слизью и кровью, оказалось на руках акушерки.

– Мальчик!

– Поздравляем, миссис Блэкуэлл!

Одна из сестер перерезала пуповину. Другая убрала послед. Ослабев от усталости и потери крови, Ив обмякла на мокрых простынях. Сестры тем временем обтирали и изучали ребенка, что-то отмечая на бланке.

– Что с ним случилось? – внезапно подскочила Ив. – Почему он не плачет? Он мертв?

Акушерка улыбнулась. Просто чудо какое-то! Во время родов Ив Блэкуэлл была так надменна и враждебна и постоянно говорила гадости медсестрам и акушеркам. Под конец они даже заподозрили, что она вообще не хочет этого ребенка. Но очевидно, ошибались. Тревога в голосе Ив была искренней. Значит, из нее выйдет прекрасная мать!

– Он настоящий герой, миссис Блэкуэлл! Вот, взгляните сами!

Ив взяла белый сверток. С ребенка уже успели обтереть кровь и слизь. Ив увидела маленькое личико с оливковой кожей и прядками блестящих, иссиня-черных волос. Носик и ротик были совсем маленькими. Непонятно, на кого он похож. Но огромные темно-карие глаза с бахромой черных ресниц, пристально на нее смотревшие, были необыкновенными. Мальчик молча рассматривал мать. Для всего остального мира Ив была уродом. Для малыша – целой вселенной.

Что же, он умен. И хитер, как маленький цыганенок.

Она улыбнулась и, хотя знала, что это невозможно, могла бы поклясться, что он ответил улыбкой.

– Вы уже придумали ему имя?

Ив даже не подняла глаз.

– Макс. Его зовут Макс.

Простое, короткое имя, но для Ив оно символизировало силу. Мальчику понадобятся силы, если он хочет добиться цели и отомстить за мать.

Ив родила ребенка от Кита лишь по одной, только ей ведомой причине. Она нуждалась в сообщнике. В нем она сможет воплотить собственный образ, напитать своей ненавистью и отослать в мир, чтобы его руками делать все то, что сама она, узница в собственном доме, больше не сумеет сделать сама.

Макс заставит Кита Уэбстера заплатить за все, что он сотворил с женой.

Макс вернет ей «Крюгер-Брент».

Макс будет боготворить, обожать мать и повиноваться ей. Именно так, как когда-то мужчины боготворили, обожали и повиновались Ив Блэкуэлл, прежде чем Кит украл у нее красоту.

В дверь постучали.

На пороге появился Кит с огромным букетом роз. Отдав цветы сестре, он небрежно поцеловал Ив в макушку, прежде чем взять на руки сына.

– Он... он прекрасен, – сдавленно пробормотал Кит. По его лицу струились слезы радости. – Спасибо, Ив. Спасибо, дорогая моя. Ты не представляешь, что он... он значит для меня.

Ив понимающе улыбнулась:

– Не за что, Кит.

И погрузилась в безмятежный, спокойный сон.

Глава 3

Проходя сквозь вращающиеся двери здания «Крюгер-Брент» на Парк-авеню, Робби Темплтон ощутил знакомое жжение в желудке.

– Доброе утро, мистер Роберт.

– Приятно снова видеть вас, мистер Роберт.

– Отец вас ожидает?

Здесь все его знали: секретарши на ресепшн в серых фланелевых униформах компании, охранники, даже уборщик Хосе. Роберт Темплтон был правнуком Кейт Блэкуэлл, и в пятнадцать лет весь мир лежал у его ног. Когда-нибудь он станет президентом компании.

По крайней мере так говорили.

С самого детства Робби бывал в этом здании вместе с матерью. Впечатляющий вестибюль с мраморными полами, шестифутовыми цветочными аранжировками и стенами, увешанными бесценными произведениями современного искусства кисти Баскуа, Уорхола и Люсьена Фрейда, был его площадкой для игр. Он играл в прятки в лифтах и в догонялки в длинных коридорах компании. Вертелся на офисном кресле Кейт, пока не начинала кружиться голова.

Всю жизнь он пытался полюбить это место. Пытался ощутить страсть и ностальгию, которые, по предположению окружающих, впитал с молоком матери. Но ничего не получалось. И сегодня, и всегда вращающиеся двери казались ему воротами ада.

Он снова и снова вспоминал свой седьмой день рождения. Прабабушка Кейт пообещала ему сюрприз.

– Кое-что чудесное, Роберт. Мы будем только вдвоем: ты и я.

Он помнил, как изнывал от нетерпения и не спал почти всю ночь. «Кое-что чудесное»? Поездка в знаменитый магазин игрушек «ФАО Шварц»? В любимую пиццерию? В Диснейленд?

Когда Кейт ввела его в двери скучного административного здания, мальчик решил, что она что-то здесь забыла. Может, зонтик? Или уши Микки-Мауса?

– Нет, дорогой, – ответила она, и подслеповатые старые глаза загорелись непонятной ему страстью. – Это и есть твой сюрприз. Ты знаешь, где мы?

Робби разочарованно кивнул. Они пришли в папин кабинет. Он сто раз бывал здесь с мамочкой, и ему всегда становилось не по себе. Комната была слишком большой. И пустой. Если очень громко крикнуть, стены отбросят назад звук твоего голоса. Он не мог объяснить почему, но точно знал: папа тоже не любит бывать в кабинете. Они здесь чужие.

Но прабабка видела вещи в ином свете.

– Это наше королевство, Роберт. Наш дворец. Когда-нибудь, когда я уйду, а ты вырастешь, все здесь будет твоим. Все!

Она сжала его руку. Интересно, куда бабушка собирается его вести, и долго ли это будет продолжаться? Он любил прабабку, хотя она вечно высказывала безумные идеи, искренне считая дворцами противные старые здания. Мальчик надеялся поскорее убраться отсюда.

Сегодня, в воскресенье, все помещения были пусты. Кейт втолкнула внука в лифт и нажала кнопку двадцатого этажа. Скоро они оказались в ее кабинете. Усадив Робби в офисное вращающееся кресло за своим столом, она опустилась в кресло в углу, обычно предназначавшееся для VIP-персон, королей, президентов и послов.

В ушах Робби до сих пор звучал ее голос:

– Закрой глаза, Робби, Я расскажу тебе сказку...

В тот раз Робби впервые услышал историю «Крюгер-Брент» – компании, принесшей богатство и славу его семье. Историю настолько необычную, что ни в одном романе такого не

прочитаешь. Роберт Темплтон с самого детства знал, что отличается от других детей. Но даже в шесть лет вовсе этого не хотел.

Сегодня Робби, конечно, знал наизусть легенду о «Крюгер-Брент». Она стала частью его самого, как кровь в жилах и волосы на голове. Он все знал о Джейми Макгрегоре, отце Кейт. О том, как он в конце девятнадцатого века приехал в Южную Африку из Шотландии, нищий, но полный решимости разбогатеть, и основал самый доходный алмазодобывающий бизнес в мире. Соломон ван дер Мерв, местный торговец, обманул и ограбил юношу. Но тот с помощью Бэнги, храброго черного слуги торговца, отомстил, сначала ограбив алмазные прииски ван дер Мерва, а потом наградив ребенком его единственную дочь Маргарет, впоследствии мать Кейт.

Само название компании было пощечиной торговцу, который не только обманул Джейми, но и попытался его убить. Крюгер и Брент. Так звали охранников-буров, искавших похитителей алмазов в густом тумане. Но те сумели скрыться от погони и выбрались с прииска с карманами, полными драгоценных камней.

Сама Кейт не помнила отца, который умер, когда она была маленькой. Но, судя по тихому благоговейному тону, которым она рассказывала об отце, тот был для нее почти богом. Она часто твердила Роберту, что он как две капли воды похож на прапрадеда. И действительно, стоило лишь взглянуть на портрет Джейми, висевший в Сидар-Хилл-Хаусе, как сходство становилось очевидным.

Робби знал, что прабабка считала это комплиментом. Но ему давно уже надоели постоянные сравнения с прапрадедом.

После смерти Макгрегора компанией двадцать лет управлял его друг и правая рука Дэвид Блэкуэлл, тоже шотландец по происхождению. Кейт безумно влюбилась в Дэвида, несмотря на то, что он был на двадцать лет старше и одно время собирался жениться на другой. Но к алтарю он все же повел именно Кейт. Та, как почти всегда, с неженским упорством шла к цели и не успокаивалась, пока не добивалась своего.

Дэвид Блэкуэлл был второй великой любовью Кейт.

Первой была «Крюгер-Брент».

Вскоре после войны Дэвид погиб при взрыве газа на шахте, оставив молодую беременную вдову. Все ожидали, что та погорюет с год и снова выйдет замуж. Но ничего подобного не случилось. Потеряв одну любовь, Кейт посвятила остаток жизни другой. «Крюгер-Брент» стала ее луной и солнцем, любовником и одержимостью, словом, всем ее миром. Под управлением Кейт компания, ранее занимавшаяся добычей и продажей африканских алмазов, стала заниматься медью, сталью, нефтехимией, пластиками, телекоммуникациями, космосом, недвижимостью и программным обеспечением. «Крюгер-Брент» отвоевала место в каждом секторе рынка во всех уголках земного шара. И все же жажда Кейт ко все новым приобретениям и расширению сфер влияния оставалась ненасытной. Но еще сильнее было безумное желание найти наследника. Кто-то из большого клана Блэкуэллов должен перехватить бразды правления, а когда она умрет, поднять фирму к еще более недостижимым высотам власти над миром.

Когда ее сын Тони, не выдержав тяжести бремени власти и материнских интриг, потерял рассудок, Кейт возложила надежды на его дочерей, сестер-близняшек, Ив и Александру. Их мать умерла в родах, отец находился в специальном заведении для умалишенных, и воспитанием девочек занималась Кейт. Для себя она с самого начала решила, что со временем управлять компанией будет одна из внучек. Много лет она возлагала надежды на Ив. Та всегда была лидером, и выбор Кейт казался вполне удачным. Но потом произошло нечто ужасное. Настолько, что бабка навсегда вычеркнула Ив из завещания.

Тайну случившегося Кейт унесла с собой в могилу. Робби так и подмывало спросить тетю Ив, что стряслось тогда, много лет назад, но, честно говоря, он побаивался. Мальчик всегда леденел от страха при виде вечно закрытого вуалью лица, а странная, загадочная манера изъясняться не добавляла любви к тетке.

И все же он жаждал узнать, что рассорило тетку и прабабку. Потому что именно эта ссора была причиной его нынешнего положения. Как и дедушка Тони, Робби мечтал вовсе не о власти над компанией. Все, чего он хотел, – играть на пианино. Но, несмотря на протесты родителей Робби и самого мальчика, Кейт Блэкуэлл именно его назвала наследником. А сила ее воли была неукротима, как давно уже усвоили многие поколения семьи Блэкуэлл.

Робби улыбнулся Кэрис Браун, старшей секретарше на ресепшн. Приветливая брюнетка лет сорока пяти со стройной фигурой и веселыми зеленовато-кариими глазами, в которых всегда плясали золотистые искорки, она словно излучала доброту. И всегда напоминала Робби о матери, хотя та была куда красивее.

– Па не ждет меня. По крайней мере я так не думаю.

Правда, могло быть и так, что мистер Джексон, директор престижной частной школы Святого Беды, где учился Робби, уже успел позвонить отцу.

Кэрис вопросительно вскинула брови:

– Надеюсь, не очередная неприятность?

– Не больше обычного, – уныло вздохнул Робби.

– Что же, в таком случае иди наверх. Желаю удачи.

Она вручила мальчику специально закодированную карточку для лифта, дававшую доступ на двадцатый этаж. Все офисы членов семьи Блэкуэлл располагались на двух верхних этажах, и охрана строго отслеживала посторонних.

– Спасибо.

Кэрис смотрела вслед Робби, который нерешительно плелся к лифтам, глубоко засунув руки в карманы, и гадала, что он натворил на этот раз. Как большинство служащих «Крюгер-Брент», Кэрис питала слабость к Робби. Да и как можно не любить мальчика с глубокими серыми глазами, копной белокурых волос и трогательной манерой краснеть от слишком пристального взгляда? Все в компании знали, что Робби Темплтон – неисправимый озорник. С тех пор как умерла его мать, парень слетел с катушек быстрее, чем скорый поезд с рельсов. Бедный ягненок! За последние пять лет его выгнали из стольких школ, что Кэрис и перечислить не могла. Но при встрече с Робби вы никогда бы не поверили тому плохому, что о нем говорили. Он казался таким милым, застенчивым, тихим парнишкой...

Двери лифта сомкнулись. Кэрис Браун втайне понадеялась, что отец не будет слишком суров с мальчиком.

– Что-о-о-о-о-о? Что ты сделал?

Сегодня у Питера был плохой день. Он проснулся с жутким похмельем. И хотя знал, что в последнее время слишком много пьет, угрызения совести только усиливали распирающую виски боль. Люди твердили, что скорбь со временем притупится, но прошло пять лет с тех пор, как он потерял Алекс, и одиночество сжирало его заживо. Хуже всего были вечера. Днем он погружался в работу или шел к Лекси.

В пять лет Лекси была полна чудес и сюрпризов. Каждый день у нее в запасе находилось что-то новое и очень забавное, отчего сердце отца неизменно таяло. Но к восьми часам в малышке словно гасла лампочка, как бы ни старался Питер не дать ей заснуть. Когда Лекси отправлялась спать, приборы его жизнеобеспечения также неизменно выключались. К восьми тридцати он, как правило, обнаруживал в баре очередную бутылку виски. К десяти он, как правило, уже отключался.

Этим утром, жестоко страдая от похмелья, Питер приехал в офис, чтобы увидеть заваленный документами письменный стол. Для «Крюгер-Брент» это было время бонусов, одно из самых трудных в году. Правда, большинство важнейших решений принималось другими членами совета директоров, но после ухода на пенсию Брэда Роджерса номинальным президентом стал Питер. Это означало, что в его обязанности входит удовлетворять претензии луч-

ших работников компании (совершенно нерешенная задача, поскольку эти добрые люди были твердо убеждены, что их труд оплачивается не по заслугам), а также делать выговоры тем, кто плелся в хвосте.

И какое он имеет право делать кому-то выговоры? Все знают, что он абсолютно никчемное существо. Ненужное бремя для компании! Он психиатр. Не бизнесмен. Ах, если бы только он в свое время сумел устоять против Кейт Блэкуэлл! Ему здесь не место... И никто не сознает этого лучше, чем сам Питер!

Туман в голове постепенно рассеивался. Но тут появился Роберт и как ни в чем не бывало объявил, что его выгоняют из «Святого Беды».

– Я уже сказал, что сделал. Выкурил косячок. Подумаешь, большое дело!

Пульсация в висках Питера возобновилась с новой силой.

– Роберт! Ты выкурил косячок на уроке математики! Чего же ты после этого ожидал? Думал, что учитель спустит тебе такое с рук?

Робби уставился в окно. Обычно перед ним расстилалась панорама Манхэттена, но сегодня день выдался облачным, и все исчезло в густой серой дымке.

– Черт побери, Роберт, у меня уже голова идет кругом! Я не смогу тебе помочь, если ты и дальше будешь выкидывать свои штучки! Или тебе безразлично твое будущее?

– Мое будущее? Как я могу беспокоиться о будущем, когда не в состоянии определить настоящее? И даже не пойму, кто я такой?!

– Если воображаешь, что проведешь остаток года, валяясь дома на диване и слушая «Суит Фанни Адамс», даже не мечтай, малый!

«Суит Фанни Адамс»? Малый? Он выражается как персонаж комиксов пятидесятых. Неудивительно, что никак ни во что не врубится!

– Ты же вроде говорил, что запрещаешь мне валяться дома на диване.

– И не огрызайся! Не смей раскрывать рта!

Питер так кричал, что секретарши, сидевшие на другом конце коридора, наострили уши.

– Ты ни с кем не будешь встречаться! Ни с кем не будешь разговаривать! Тебе приспичило пустить по ветру свою жизнь? Хочешь оказаться в тюрьме? Что же, может, тебе давно пора попробовать, какова на вкус тюремная жизнь!

Робби рассмеялся, хотя знал, что в этот момент ничего хуже сделать не мог. Но и сдержаться тоже не сумел.

«Он хочет дать мне попробовать вкус тюремной жизни? Господи, па, вся моя жизнь – тюрьма! Неужели не видишь? Я в капкане!»

– По-твоему, это так смешно?!

Питера трясло от ярости.

Робби повернулся к отцу.

– Нет. Нет. Я не...

Хлясть!

Звук пощечины разнесся по офису. Питер ударил сына по лицу с такой яростью, что тот отлетел назад, потерял равновесие, ударился затылком об оконное стекло и, оглушенный, сполз на пол.

На несколько секунд отец и сын замерли в потрясенном молчании. Первым заговорил Питер:

– Прости, Роберт. Я не должен был этого делать.

Глаза Робби превратились в щелки. На щеке багровело пятно.

– Верно. Не должен был.

С трудом поднявшись, Робби с опущенной головой протиснулся мимо отца и поплелся к лифту.

– Роберт! Ты куда?!

Мальчик не ответил.

Спустившись вниз, он прошел сквозь вертящиеся двери и вдохнул холодный свежий воздух. По лицу катились слезы.

Боже!

Мама!

Кто-нибудь!

Помогите мне! Пожалуйста, пожалуйста, помогите мне!

Роберт, ничего не видя, бежал по Парк-авеню. Из горла вырывались сдавленные всхлипы.

Настоящая депрессия началась в двенадцать лет, вместе со взрослением.

До этого Роберт помнил только периоды черной печали. Иногда он так тосковал по матери, что сердце заходило настоящей болью, как при остром приступе стенокардии. Однако это бывало нечасто. И он всегда мог излечиться игрой на пианино или общением с Лекси.

Но в двенадцать лет начались, казалось, совершенно необратимые перемены. Тьма застила душу и отказывалась уходить. Роберту казалось, что он бредет по бесконечному туннелю, в котором кто-то наглухо закрыл входы и выходы. И оставалось только безнадежно шагать вперед, медленно переставляя ноги. Голоса, сладкие голоса манили его покончить с этой никчемной жизнью. Они следовали за ним повсюду. Ради младшей сестры он старался их не слушать. Но все глубже и глубже погружался в вечный, бесконечный мрак.

Однажды он обо всем рассказал дяде Барни. На следующий день в его спальню ворвался отец и, буквально изрыгая огонь, сунул сыну прозак, заставив три раза в неделю посещать психотерапевта. Робби вежливо выслушивал последнего целый год, не забывая топить таблетки прозака в унитазе. Он не слишком часто размышлял над происходящим, но понимал, что таблетками отец пытается загладить собственную вину и что транквилизатор вряд ли может помочь его проблеме.

Это был последний раз, когда Робби Темплтон искал помощи у взрослых. Отныне он остался совсем один.

И, словно тьмы было недостаточно, Робби все острее ощущал, что он не такой, как все. Его не интересовали девушки, хотя так называемые друзья, парни, которые вились вокруг него, потому что Роберт был богат и красив, но ничего не знали о муках его изломанной души, помешались на девчонках. Особенно на их грудях, ногах и вагинах.

– Видели сиськи Рейчел Макфи? Клянусь, эти крошки утроились в размере всего за одно лето!

– У Энни Матис самая сладкая, тугая маленькая «киска» во всем десятом классе. Вот и толкуй о туннеле любви!

– Если к концу года Анжела Брикли не возьмет губками мой «петушок», клянусь, я покончу с собой!

Конечно, они несли всякую чушь! Хвастали друг перед другом. Робби хорошо знал, что большинство мальчишек в его классе все еще девственники, несмотря на разговоры о «кисках» и минетах. Но это было совершенно не важно. Проблема в том, что они заглядывались на девушек. Все.

Кроме Робби Темплтона.

Он вспомнил, как у него упало сердце, когда несколько недель назад Лекси торжествующе объявила:

– Я знаю, почему у тебя нет девочки!

Расхаживая по кухне в любимом ярко-розовом платье принцессы и посасывая вишневую колу сквозь спиральную соломинку, она кокетливо похлопала ресницами, совсем как миниатюрная Мэй Уэст.

Четыре года и уже умеет флиртовать лучше брата!

– Ничего ты не знаешь, Лекси!

– А вот и знаю!

Знает? Неужели все так очевидно?

Робби изо всех сил пытался не слишком пристально смотреть на мальчиков. Так старался, что иногда даже глаза болели! Во всяком случае, в школе он никогда этого не делал. Не потому, что боялся насмешек других мальчишек. Потому что собственные чувства были ему противны. Его терзал стыд, которого он не мог ни понять, ни выразить словами. Не может же он быть геем! Он отказывается быть геем! Кроме того, если ты не поддаешься своим порывам, не удовлетворяешь своих желаний, значит, формально ты вовсе не гей. Просто сбит с толку и не можешь найти свой путь. Не так ли?

Лекси с обожанием взирала на брата.

– Все потому, что ты ждешь, пока я вырасту! И тогда ты сможешь жениться на мне, верно?

Облегчение было таким огромным, что Робби расхохотался, подхватил сестру на руки и стал кружить, пока та не завизжала от восторга.

– Верно, солнышко! Очень даже верно!

– Это я – твоя принцесса!

– Да, Лекси! Ты моя принцесса.

– Разуй глаза, олух!

Робби растерянно поднял голову. Он был так погружен в свои невеселые мысли, что не видел, куда идет. И наткнулся на спешившего на ленч бизнесмена, да с такой силой, что сбил его с ног.

– Ты что, кретин или идиот? Урод несчастный! – завопил мужчина.

– Простите, я вас не заметил.

Робби снова опустил голову и двинулся дальше. Но в голове снова и снова проигрывались злые слова.

«Он прав. Я урод!...»

Мальчик снова брел наугад. Он понимал, что рано или поздно придется вернуться домой, но сейчас на это просто не было сил.

Свернув к вокзалу Гранд-Сентрал, он купил билет, сам не зная куда, и запрыгнул в первый попавшийся поезд.

Глава 4

Девушка была рыжей. С огромными грудями, которые мячиками перекатывались под облегающим свитером из ангоры. Черная кожаная мини-юбка была такой короткой, что Робби видел узор из маргариток на белых трусиках.

Ее звали Морин Суонсон. Она была капитаном чирлидеров⁵ и самой популярной девочкой в школе. Каждый парень мечтал затрахать ее до бесчувствия.

Почти каждый парень.

Морин Суонсон во все глаза уставилась на Робби:

– Я тебя знаю?

Роберт рассматривал свои туфли.

– Эй, Человек дождя! Я с тобой говорю. При-и-и-и-и-вет!

Все его чертово везение. Из всех сотен, может быть, тысяч поездов, покидающих вокзал сегодня днем, ему нужно было выбрать тот, в котором едет Морин, чудовище с футбольными мячами вместо грудей.

– Ты ведь Блэкуэлл, точно?

Робби осмотрелся в поисках путей отступления, но ничего не обнаружил. Вагон был забит до отказа. Он был стиснут, как сардина в банке.

– Бобби, кажется? Десятый класс?

– Робби.

– Я так и знала!

Морин торжествовала, словно только что доказала теорему Ферма или обнаружила, в чем заключается смысл жизни.

– Робби Блэкуэлл!

Услышав знакомую фамилию, пассажиры стали оглядываться на Робби. Некоторые даже привставали с мест, чтобы лучше его рассмотреть. Неужели он действительно один из ТЕХ?

– Собственно говоря, моя фамилия Темплтон. И ты меня не знаешь. Мы никогда не встречались.

Морин вскочила, ловя восхищенные взгляды более осмотрительных бизнесменов и оглушительные свистки тех, кто похрабрее.

– Что же, Робби Темплтон...

Она плотоядно улыбнулась, опускаясь на колени Робби. Тот почувствовал, как внутри все плавится. Не от желания. От страха. Какого черта он не бросился под поезд, когда еще был шанс? Все лучше, чем смерть от удушья, которая непременно ждет его в глубокой ложбинке между грудями Морин Суонсон.

– Куда едешь?

Хороший вопрос. Куда он едет?

Роберт по-прежнему не знал.

Поезд стал замедлять ход. Бестелесный голос уведомил пассажиров, что они подъезжают к Бронксвиллю.

– Бронксвилль. Моя станция.

Освободившись от железной хватки Морин, он стал продираться сквозь человеческую стену и добрался до выхода за секунду до того, как закрылась дверь. Робби остался на платформе.

Слава Богу, он от нее отделался.

– Какое совпадение! – пропел голос Морин. – Это и моя станция.

⁵ Команда поддержки футболистов.

Сердце Робби упало.

Как это она успела незаметно выбраться из поезда? Кто она? Гарриет Гудини⁶?

Морин Суонсон была на два года старше Робби. А еще она была Богиней. Девушка такого типа может получить любого парня, какого только захочет. Конечно, те парни, которых хотела Морин, были полузащитники, сложенные, как О. Джей Симпсон⁷. Робби же скорее был сложен, как Уоллес Симпсон⁸. Он, конечно, был красив, но в пятнадцать лет все еще мал ростом, худ и выглядел в точности так, как должен выглядеть ученик десятого класса.

Но с другой стороны, Робби также был наследником состояния Блэкуэллов. Похоже, за десять миллиардов долларов Морин Суонсон была готова изменить своему вкусу в выборе мужчин. Пусть Робби не похож на игрока в футбол, но стоит больше, чем большинство профессионалов.

– Я знаю парня, который живет неподалеку отсюда, – улыбнулась Морин. – Там всегда весело и полно гостей. Часто бывают вечеринки. Не хочешь пойти со мной?

Робби взвесил свои возможности. Он не хотел никуда идти, особенно с Морин Суонсон. Он хотел, чтобы его оставили в покое. Чтобы он мог пойти куда-нибудь в спокойное местечко и тихо покончить с собой, без того, чтобы его последними воспоминаниями остались груди размером с арбузы и трусики с узором из маргариток. Неужели он так много просит?

И все же... Вечеринка означает гостей. Шум. Наркотики. Возможность того, что Морин отвлечется.

Наркотики.

Робби пожал плечами.

Какая разница?

– Конечно, почему бы нет? Нужно же как-то убить время.

Питер Темплтон вернулся домой, намереваясь потолковать с сыном.

– Роберт! – крикнул он, захлопнув входную дверь. – Роберт!

Питер больше не чувствовал себя виноватым из-за того, что дал Роберту оплеуху. Он в принципе был против физического насилия, особенно когда речь шла о детях. Но отчаянные ситуации требуют отчаянных мер. Роберт нагло смеялся над ним сегодня. Смеялся в открытую. И это после всех неприятностей, которые он доставил семье: исключения из многочисленных школ, стычки с полицией, воровство в магазинах. А ведь Питер истратил столько времени и денег, пытаясь помочь ему: и психотерапевты, и каникулы за границей, и уроки фортепьяно за сто долларов в час! А Роберту все нипочем! Считает случившееся милой шуточкой.

Что же, эта шуточка обернется против него. С Питера довольно!

Перескакивая через ступеньки, Питер взбежал по лестнице. На верхней площадке с извиняющимся видом стояла домоправительница миссис Картер.

– Боюсь, мастера Роберта нет дома. Мы не видели его с утра, когда он ушел в школу. Что-то стряслось?

Питер мрачно нахмурился:

– Чертовски верно. Случилось. Его выкинули из «Святого Беды». Сомневаюсь, что в штате Нью-Йорк осталась хотя бы одна школа, куда его примут. И, откровенно говоря, я их вполне понимаю.

– О Господи!

Миссис Картер в отчаянии заломила руки. Она обожала Робби, но последнее время он постоянно попадал в переплет.

⁶ Имеется в виду знаменитый иллюзионист Гарри Гудини. Робби взял производное женского рода от его имени.

⁷ Американский футболист, актер и телеведущий, обвиненный в убийстве бывшей жены и ее любовника.

⁸ Американка, ради которой король Великобритании Эдуард VII отрекся от престола.

– Робби! Это ты?

Лекси услышала стук входной двери и выбежала из детской в одной сорочке, спеша увидеть брата. При виде дочери на душе Питера, как всегда, стало легче.

С каждым днем она все больше походила на мать: волосы, глаза и губы в точности, как у Алекс! И такая же улыбка: лукавая и одновременно проницательная. Даже походка у нее была материнской. Но вот темпераменты у них были разные. Алекс была нежной и мягкой. Лекси – энергичной и неукротимой. Миссис Картер любовно называла ее «наша маленькая пиранья». Даже Питер, смотревший на дочь сквозь розовые очки, понимал, что Лекси вряд ли может считаться образцом идеальной юной леди. Он предпочитал эпитет «пылкая». Посторонние, не настолько умиленные выходками девочки, называли ее избалованной, своевольной, а иногда и совершенно неуправляемой.

– А вот и моя принцесса!

Питер чмокнул Лекси в макушку. От нее пахло свежеспеченным печеньем и тальком. Он почувствовал, как тает гнев.

– Ты почему не спишь так поздно?

Лекси нахмурилась, надула губки, серые глаза налились слезами.

– Робби! – заныла она. – Я хочу Робби! Где Робби? Где он?

Горькая желчь душила Питера. Сначала Алекс, потом Лекси! Роберт, подобно вампиру, высасывал их любовь, ничего не оставляя Питеру.

Невероятным усилием воли он сдержал гневный крик.

– Робби сейчас нет дома, милая. Хочешь, папочка уложит тебя в постельку? Я могу почитать тебе твою любимую сказку о белке Наткин...

– Нет! – пронзительно завопила девочка. – Не папа! Ро-о-о-о-обби!!!

Подошедшая миссис Картер поспешно увела девочку в спальню. Бедный мистер Темплтон! У него такой вид, словно в лицо брызнули кислотой из аккумулятора! Давно пора привыкнуть не принимать все так близко к сердцу. У миссис Картер своих четверо, и, как каждая мать, она знала, что дети могут быть эгоистичны, злы и бездумны, особенно в возрасте Лекси. Не стоит принимать это на свой счет.

Уложив Лекси, миссис Картер поспешила вниз и нашла хозяина в кабинете.

– Она спит?

Голос Питера звучал странно. Глухо и неестественно тихо. Миссис Картер заметила в его руке стакан с виски. На столе стояла открытая бутылка. Женщину передернуло от дурного предчувствия.

– Да, сэр. Крепко спит.

Питер глотнул виски.

Глаза его уже стекленели.

– Хорошо. Спасибо. Вы можете идти.

Миссис Картер вдруг стало не по себе. Очень не хотелось оставлять Лекси с отцом. Что, если мистер Темплтон заснет, а в это время что-нибудь случится с Лекси? Она никогда себе не простит!

– Ничего страшного, сэр. Я могу немного подождать. По крайней мере пока мастер Роберт не вернется домой.

Мистер Картер – Майк – будет ждать своего ужина. И конечно, устроит скандал, но что тут поделать?

– Если хотите, я подам вам ужин. В холодильнике есть говядина. Могу сделать бефстроганов.

– Нет. Спасибо.

Питер осушил стакан и тут же налил себе другой.

– Идите домой, миссис Картер. Увидимся утром.

Слова были вежливыми, а вот тон – стальным. Домоправительница поколебалась, думая о Лекси и бедном мальчике Роберте. Может ли она оставить их наедине с пьяным отцом? Возможно, нет. Но если она настоит на своем, хозяин наверняка ее уволит. И как быть с ее собственными детьми? Теперь, когда Майк потерял работу, все они живут на ее жалованье.

– Как пожелаете, сэр. Раз вы так считаете...

С детьми все обойдется. Конечно, обойдется! Она делает из мухи слона! Майк вовремя получит свой драгоценный ужин, и в этом мире все будет хорошо.

Хорошо?! Черта с два... ведь этот ленивый ублюдок никак не научится включать микроволновку!

Робби сел в постели, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Я знаю, ты этого хочешь. Недаром пялился на меня весь вечер. Ну, чего ждешь?

Голая по пояс Морин Суонсон ползла к нему по покрывалу Омерзительные, набухшие гениталии раскачивались под ней, как надутые мешки от волюнок. Когда она стянула трусики, обнажив аккуратно подбритый ржаво-красный кустик волос, в ноздри Робби ударил едкий запах гниющей рыбы. Тошнота подкатила к горлу.

«Чего я жду? Жду, чтобы Скотти починил телепортёр и отправил меня назад, в «Энтерпрайз»⁹».

Робби неожиданно представил Уильяма Шатнера¹⁰ в облегающей зеленой рубашке и нанесенных спреем штанах и улыбнулся. Но тут Морин подползла ближе, и улыбка умерла у него на губах.

– Не бойся, – хрипло прошептала она. – В первый раз все нервничают. Расслабься, и мама о тебе позаботится. Все будет о'кей!

О Господи, только не это!

Даже в кокаиновом тумане Робби разглядел грязь у нее под ногтями, когда она сунула руку под эластичную ленту его трусов от Калвина Кляйна.

– Какого черта? – выпалила она, сверля его злобным взглядом, держа в ладони его вялый пенис. – Ты голубой – или что? Он даже не дрогнул!

Роберт наконец обрел голос:

– Никакой я не голубой. Просто... я, кажется, проглотил не ту таблетку. Мне что-то нехорошо.

И это еще слабо сказано! Весь вечер был кошмаром, достойным концом одного из худших дней его жизни. «Приятель» Морин по имени Джанни Сперотто оказался мелким наркотореем, рвущимся в мафиози: молодой итальянец с крысиной мордочкой, лицом, изборожденным юношескими угрями, вечно подтекающим, как испорченный кран, носом и таким смрадным дыханием, что стоять рядом с ним было невозможно. «Квартира» Джанни находилась на верхнем этаже заброшенного склада. Через год-другой какой-нибудь шустрый риелтор превратит здание в отделанный хромом и стеклом многоквартирный дом для холостяков и продаст по ценам Парк-авеню. Даже грязную дыру вроде Бронксвилля затронула строительная лихорадка, пронесшаяся по Америке за последнее десятилетие. Похоже, буквально за одну ночь выросло целое поколение миллионеров, наживших состояния на сносе нескольких стен и переименовании полуразрушенных промышленных реликтов в «пентхаусы мансардного типа».

Но Джанни Сперотто к их числу не принадлежал. Он был слишком занят, набивая кокаином собственный нос, чтобы увидеть лежащие прямо под этим носом денежки. Его вечеринка представляла собой сборище полумертвых шлюх и наркоманов, коловшихся на разбросанных по полу провонявших матрацах. Кровать, на которую Морин затащила Робби, была спальней

⁹ Сериал «Энтерпрайз» стал составной частью знаменитой космической эпопеи «Звездный путь».

¹⁰ Американский актер, сыгравший капитана Керка в эпопее «Звездный путь».

зоной самого Джанни, отгороженной от остальной части комнаты картонками, поверх которых хозяин набросил пару велюровых занавесок с психоделическими рисунками: единственное яркое пятно в захламленном, мрачном помещении.

Здесь не было ни музыки, ни танцев, ни хотя бы отдаленно привлекательного парня, чтобы отвлечь Морин от ее добычи. Единственной надеждой Роберта было так накачать ее наркотиками, чтобы она забыла о нем. План был хорош, если бы не одна крошечная деталь: чтобы обеспечить Морин кайф, ему самому приходилось чего-нибудь наглотаться. Но он «поплыл» после первого косячка. А вот Морин, похоже, ничего не брало. Конституция, как у вола, вернее, у целой упряжки волов. Девчонка горстями жрала экстази и вбирала в себя кокаин с видом свиньи, роющей в поисках трюфелей. И наркотики ничуть не пригасили ее пыл.

– Плохая таблетка, значит? Сейчас посмотрим. Ляг и закрой глаза.

Слишком сбитый с толку, чтобы сопротивляться, Роберт сделал, как она велела. И тут же ощутил теплый влажный язык между бедер. Очевидно, она посчитала его вялый пенис вызовом лично себе.

Господи, если бы он только мог подняться!

Когда занавеску отдернули и в комнату ворвались мужчины, Робби сначала не ощутил ничего, кроме облегчения.

Второй реакцией была паника.

– Полиция!

На плечо Робби опустилась грубая мужская рука.

– Вечеринка окончена, детки. К стене, и руки на голову! Быстро!

Мысли Робби лихорадочно метались. Недаром он столько воскресных вечеров провел перед телевизором, когда по седьмому каналу шла очередная серия «Ти-Джей Хукера», чтобы понять: это облава полицейского отдела по борьбе с наркотиками. Его смятые штаны валялись в изножье кровати. В заднем кармане лежали три таблетки экстази: подарок Джанни Сперотто потенциальному клиенту.

Положительная сторона: он несовершеннолетний. Самое худшее, что с ним может случиться, – привод в полицию.

Отрицательная сторона: его могут привести в полицию и отправить в исправительное заведение!

Несмотря на браваду в отцовском офисе, Роберт Темплтон сжался при мысли о тюрьме. Для него это хуже самоубийства. Смерть означает покой. И встречу с матерью. Но тюрьма... даже для малолетних преступников? Он слишком смазлив. Его сожрут заживо еще до того, как обнаружат, что он Блэкуэлл и один из самых богатых в стране парней.

Полуголый, распростертый на стене, он пытался сосредоточиться. Но это было нелегко, тем более что Морин ругалась и вопила, как баньши¹¹.

– Вы, жопы, коснитесь меня хоть пальцем, и, клянусь Богом, мой па лично отрежет вам яйца!

– Советую, солнышко, не угрожать нам при исполнении! – рассмеялся капитан.

– Классная задница! – добавил лейтенант. – Может, расставишь ноги пошире?

Робби лихорадочно соображал, что делать. Есть у него в джинсах удостоверение личности? Как доказать, кто он? Господи, до чего трудно думать, когда ты под кайфом?

Но в этот момент Морин развернулась и, не говоря ни слова, врезала кулаком в лицо лейтенанту. Стеклашка дешевого кольца прошла через его глазное яблоко, как нож сквозь масло.

– Сука ты этакая! Ты ослепила меня!

¹¹ Злой дух шотландских преданий.

В разразившейся суматохе Робби схватился за подвернувшийся шанс и, подбежав к открытому окну, нырнул туда головой вперед.

Порыв холодного ветра хлестнул его по ногам. Только сейчас он вспомнил, что оставил джинсы на кровати. А когда открыл глаза, вспомнил кое-что еще.

Спальня Джанни Сперотто находилась на шестом этаже.

Падение, казалось, длилось вечно. Время растянулось, как в замедленной киносъемке. Робби отчетливо сознавал, что сейчас умрет.

При этой мысли он улыбнулся, потому что представлял этот момент тысячи раз. Гадал, будет ли бояться, когда время придет? Но теперь, когда смерть была совсем рядом, он испытывал глубочайшее удовлетворение. Почти радость.

Земля неторопливо поднялась, чтобы встретить его. Зеленая и серая в лунном свете.

Потом все померкло.

– Пижон! Эй, пижон! Ты меня слышишь?

Робби лежал в густой траве на речном берегу. Он в Южной Африке? В зарослях около Бергерсдорпа, маленького трансваальского городка, куда ма часто привозила его в детстве. Когда-то городок звался Клипдрифт и был тем самым местом, где Джейми Макгрегор заработал свое первое состояние. Родина «Крюгер-Брент», место, где все начиналось. Ветер шумел в акациях. Над Робби склонилось лицо матери – самое прекрасное в мире зрелище. Ее губы шевелились. Она пыталась что-то сказать. Но голос звучал странно. Незнакомо.

– Повезло тебе, сукин сын! Ты мог разбиться насмерть!

Лицо матери таяло.

– Мама! Вернись!

Поздно. Алекс ушла. Свет в любящих глазах померк. На него с любопытством таращились трое чернокожих парней, ненамного старше самого Робби.

Он лежал на спине, подпертый ветвями рододендронов, спружинившими при его падении. Он попробовал шевельнуться, но боль в левой ноге была невыносимой. Правда, с помощью парней он смог встать.

– Ты, должно быть, под классным кайфом, брат! – Старший восхищенно покачал головой. – Думаешь, ты Супермен или что-то вроде этого?

Его друзья громко рассмеялись.

– Еще не допетрил, что стоишь без штанов? Или, может, это я Супермен? Нажрался криптонитового дерьма и приобрел рентгеновское зрение?

Очередной взрыв смеха.

– П-пожалуйста, – заикаясь, пробормотал Робби. – Пом-могите. С-сейчас явятся копы. Кто-нибудь, дайте мне штаны.

Ребята переглянулись.

– Еще чего! Никаких чертовых штанов ты не получишь!

Немного подумав, Роберт что-то стащил с мизинца левой руки.

– Вот. Возьми.

Он сунул в руку старшего тяжелое золотое кольцо-печатку, когда-то принадлежавшее Джейми Макгрегору. На нем были выгравированы два сцепившихся в схватке оленя-самца: герб «Крюгер-Брент».

– Это золото. И стоит не меньше пяти сотен баксов.

Парень оценивающе оглядел кольцо.

– Джексон, отдай этому Кларку Кенту¹² свои штаны.

¹² Настоящее имя Супермена, главного героя комиксов и известного кинофильма.

– Мать твою! – возмутился Джексон. – Ничего я ему не дам!

– Я сказал – снимай! Вон бегут копы!

Двое полицейских выскочили из здания с фонарями в руках. Должно быть, ищут тело!

Чернокожий мальчишка выскользнул из джинсов, как змея из кожи, и бросился в кусты. Видя, как три темные фигуры исчезают в зарослях, копы помчались за ними, и это позволило Робби выиграть несколько драгоценных секунд.

Он утонул в чужих штанах. Пришлось затянуть ремень на последнюю дырочку. Не сваливаются, и то хорошо. Он осторожно сделал первый шаг. Боль в ноге усилилась. Стараясь отрешиться от всего, он сосредоточился на Лекси и матери. Он не может идти в тюрьму. Нужно любой ценой удрать.

Тихо мурлыча главную тему фортепьянного концерта Грига ля минор, он похромал во тьму.

Домой он добрался к шести утра.

Над Уэст-Виллидж уже занимался рассвет. Бездомные, ночевавшие у чужих дверей, зашевелились и начали просыпаться: мешки с гремящими костями, пытающиеся стряхнуть остатки сна и воздействия спиртного и поскорее убраться, прежде чем появятся первые полицейские патрули. Робби усмехнулся, пожал плечами и уже не впервые подумал, какая жестокая ирония заключается в том, что всего лишь несколько футов кирпича отделяют эти безнадежные человеческие отбросы от людей вроде него, купающихся в деньгах. Эти бродяги воображают, что у него есть все. Что они сказали бы, узнав, как часто он лежал по ночам без сна в мягкой постели, мечтая вышибить себе мозги?!

Ключа у него не было. Он лежал в джинсах, вместе с таблетками экстази.

Подхромав к подвалу, он нажал шесть кнопок на кодовом замке черного хода. Дверь немедленно открылась.

Добро пожаловать домой!

Интересно, что сейчас происходит в Бронксвилле? Поймали копы его чернокожих приятелей? Сомнительно. Но это еще не означает, что он легко отделался. Морин Суонсон скорее всего распустила язык и рассказала полиции, кто он и где его найти.

Но какая разница? Если и так, он все равно ничего не сможет поделать.

Прокравшись по лестнице черного хода в коридор первого этажа, он с облегчением увидел, что дом погружен в темноту и тишину. И почти добрался до верхнего этажа, когда за спиной раздался голос:

– Я в кабинете, Роберт.

Черт!

Сердце у Робби упало. И покатилося куда-то в самый низ живота.

Господи, только бы отец не был пьян!

Сидя на диване, обтянутом красной парчой, Питер разговаривал с женой.

– Ты знаешь, дорогая, как в этом возрасте с ними трудно. В прошлом я не был с ним достаточно тверд, вот и возникли проблемы. Но никогда не поздно измениться.

Алекс соглашалась с ним. Стоя у окна в зеленом платье, подаренном им на десятую годовщину их свадьбы, она ободряюще кивала. Где бы он был без нее? Ее любовь и поддержка значили для него все на свете. Давали ему силу, в которой Питер так нуждался.

– Если бы речь шла только о неприятностях в школе, я мог бы его простить. Даже наркотики. Но мне нужно думать о Лекси. Он ужасно на нее влияет, Алекс. Пытается отнять ее у меня. Не могу же я это допустить, верно?

Алекс покачала головой:

– Конечно, не можешь, дорогой. Но давай не будем тратить ночь на разговоры о Роберте. Тебе нравится мое платье?

– Чудесное. Ты в нем такая красивая!

– Для тебя, Питер. Я хочу быть красивой для тебя.

– Па?

Питер поднял глаза. Алекс исчезла. Комната мягко покачивалась, как корабельная палуба. Все тонуло в коричневом тумане. Все равно что оказаться внутри старой фотографии «Титаника». Несчастье еще не нанесло удар, но до него остались считанные секунды.

Прежде чем заговорить, Питер подождал, пока два лица сына сольются в одно.

– Где ты был всю ночь?

Робби молча переминался с ноги на ногу.

– Я задал тебе вопрос.

– С девушкой.

Это даже не ложь. Формально.

– Какой девушкой? Где?

В голосе Питера было столько гнева, что Робби невольно вздрогнул.

– В Бронксвилле. Мы сели на поезд, – пробормотал он, ловко избегая первого вопроса. Не стоит упоминать имя Морин: ничего хорошего из этого не выйдет. – Послушай, па, извини за то, что случилось в школе. Правда, мне очень жаль. Сам не знаю, что со мной творится. Иногда я...

– Иногда ты... что?

Питер был вне себя от ярости. И не желал извинений и объяснений. Он хотел, чтобы Роберт признал свою вину. Признал, что заслуживает наказания. Наказания за то, что пытался украсть у него любовь Алекс. Наказания за то, что восстановил Лекси против отца.

– Иногда я просто не могу совладать с собой.

И Роберт снова заплакал. Второй раз за день.

– Не ной, ради всего святого! Будь мужчиной! Ты сам во всем виноват!

Рука Питера, прикрытая подушкой, сжала пистолет.

Несколько часов назад он вынул из сейфа «глок», собираясь покончить с собой. Но полторы бутылки виски лишили его возможности мыслить связно, оставив в душе горечь и тоску. Он потерпел полный крах. Как мужчина, как муж, как отец.

Пистолет удобно улегся в руке. Надежное средство ухода от проблем.

Но тут появилась Алекс, дорогая, милая Алекс.

Питер сунул пистолет под подушку, чтобы не испугать ее.

И вот теперь снова потянулся к оружию. Холодный металл вжался в ладонь.

Роберт вернулся домой.

Роберта нужно наказать.

Питер почти не слышал, что говорит мальчик:

– Я не такой, как другие парни. Я все равно не уживусь в «Святом Беде». Да и нигде не уживусь. Может, потому что очень скучаю по маме. Может...

Робби осекся. Питер отбросил подушку. В руке его оказался пистолет, которым он размахивал беспорядочно, как дирижер – палочкой.

– Продолжай, пожалуйста, – велел он. – Интересно послушать.

Холодный страх схватил Робби за горло. Он затаил дыхание.

– Возможно, когда закончишь, объяснишь мне, почему моя дочь больше не хочет меня знать? Почему ты вообразил, что имеешь право украсть у меня Лекси?

Робби трясло так сильно, что он боялся слово сказать. Он часто видел отца пьяным, но до сегодняшнего дня Питер никогда не буйствовал. Может, вчерашняя пощечина выпустила на волю чудовище? Ведь и акула становится людоедом, почувствовав вкус крови.

Поэтому Робби постарался тщательно выбирать слова:

– Лекси не имеет к этому никакого отношения.

К сожалению, выбор оказался неудачным.

– Не смей говорить, что Лекси тут ни при чем! – заревел Питер. – Не смей! В ней все дело! Ты крадешь ее у меня, в точности как украл свою мать!

Робби не успел опомниться, как отец выстрелил в потолок над его головой. Штукатурка хлопьями конфетти посыпалась на плечи мальчика.

Адреналин пульсировал в венах Робби, как рок-музыка.

Отец не просто пьян. Он спятил! Хочет его убить!

Одно дело – покончить с собой и совсем другое – быть убитым собственным отцом. В этот момент Роберт с ослепительной ясностью понял, что не хочет умирать. Ему пятнадцать лет! Он должен жить! Вопрос только в том, как именно.

Окно было как раз за его спиной. Если он повернется и бросится бежать, отец всадит ему пулю между лопатками. Выхода нет. Остается одно – попробовать его урезонить.

– Па, я не мог украсть у тебя маму. Она любила тебя. Любила нас обоих.

– Не говори мне о чувствах мамы ко мне! Ты ничего не знаешь!

Питер прицелился в грудь Робби.

– У нас с Алекс все было хорошо, пока не появился ты!

– Па, пожалуйста...

Тихий свист в голове Питера становился все громче, словно на плите закипал чайник. Он сжал виски. Комната снова покачнулась.

– Я пьян... Какого черта я тут вытворяю?!

Питер глянул в сторону окна, пытаясь призвать Алекс. Он так нуждался в ее совете!

Но она ушла.

– Папа, перестань! Перестань кричать!

В дверях появилась Лекси, сжимая любимую мягкую игрушку – пушистого белого кролика.

Шум в голове Питера стал непереносимым.

– Все хорошо, милая. Иди сюда.

Робби увидел, как младшая сестра доверчиво шагнула к дивану. Питер машинально повернулся к Лекси. Теперь дуло пистолета было направлено на нее.

Нужно спасать Лекси!

Повинуясь некоему инстинкту, Робби издал дикий, первобытный вопль и бросился на отца, как обезумевший бык.

Питер вскинул голову. Выражение лица Робби было застывшим, как на видеоленте, поставленной на паузу. Страх куда-то делся, сменившись чем-то другим. Возможно, решимостью? Или ненавистью? Питер не знал.

До него смутно донесся голос домоправительницы:

– Нет!

Миссис Картер провела кошмарную ночь. Она не заснула ни на секунду и, лежа рядом с мужем, ворочалась и металась, не находя себе места. Угрызения совести не давали ей покоя. Нельзя было оставлять мистера Темплтона одного с ребятами. Он не в том состоянии, чтобы присмотреть за ними.

К пяти утра она не выдержала, оставила храпящего Майка и, даже не приняв душ, натянула вчерашнюю одежду и поспешила на работу через весь город. И не успела сунуть ключ в скважину, как услышала грохот. Сердце миссис Картер заколотилось от ужаса, но она последовала на крики, несущиеся из кабинета. И ворвалась туда как раз вовремя, чтобы увидеть, как хозяин целится из блестящего черного пистолета прямо в голову четырехлетней дочери.

Питеру следовало бы все обдумать, но он не мог. Свист в голове стал таким оглушительным, что болели уши.

Он открыл глаза и взглянул на Лекси.

Она так похожа на Алекс...

Прогремел второй выстрел.

Свист в голове смолк.

Глава 5

Макс Уэбстер взял у матери блестящий красный сверток и стал взволнованно вертеть в руках.

Сверток был тяжелым. Что-то твердое. Скорее всего не игрушка, несмотря на яркую подарочную обертку и небрежно нацарапанное золотыми буквами «С днем рождения».

– Что это?

Ив Блэкуэлл улыбнулась сыну, ее глаза возбужденно блестели.

– Открой и увидишь.

Сегодня Максу исполнилось восемь лет. Поразительно красивый ребенок, с хищным орлиным носом, угольно-черными глазами и волосами и скулами, которым позавидовали бы модные модели, он странным образом сочетал в себе нечто женственное и одновременно зрелое. В нем не было ни унции толстощекой невинности его друзей. Макс казался умудренным жизнью. Он был стройным. И неистовым. Если остальные мальчики его возраста казались неуклюжими щенками, Макс Уэбстер был ягуаром в лесной чаще, столь же опасным, как и красивым.

Менее часа назад пентхаус на Пятой авеню, где жил Макс с родителями, был заполнен неуклюжими восьмилетними щенятами, готовыми на все, лишь бы заслужить снисходительный взгляд одноклассника. Праздник был идеей отца Макса.

– Мальчику нужны друзья, Ив, – твердил Кит. – Ему следует больше общаться со сверстниками. Для парня его возраста неестественно проводить с матерью каждую свободную минуту.

Ив не возражала, просто удалилась к себе на время праздника, заперев за собой дверь. Макса осыпали подарками: трансформеры, игрушечные автотреки «Скалектрикс», железная дорога и персонажи мультфильма «Экшн Мэн». Дети ели пирожные и фрукты и пили колу, пока она не стала выливаться из носов пенистыми черными потоками. Кит Уэбстер бегал вокруг с камерой.

– Ну что, парень, здорово было? – спросил он сына, когда гости разошлись. Его лицо сияло любовью и гордостью.

– Еще как, па! – кивнул Макс, который на самом деле не мог дождаться, когда уберется папаша. Кит обычно посвящал воскресный вечер игре в американский футбол. Он и его коллеги-хирурги организовали команду, чтобы облегчить постоянное напряжение и тяготы нелегкой работы, от которой зависели жизнь и смерть пациентов.

Услышав щелчок входной двери, Макс сразу направился на поиски матери.

– Они ушли?

– Да, мама.

– Все?

– Да. В доме остались только мы с тобой. Прости, что пришлось так долго ждать.

Ив отперла дверь спальни. Одетая в халат-кимоно шоколадно-коричневого шелка, распахнутый впереди, чтобы показать кружевное белье такого же цвета, она притянула к себе сына. В свои восемь Макс не отличался высоким ростом. Макушка черноволосой, как у цыгана, головы, чуть возвышалась над пупком Ив. Прижав щеку сына к своему гладкому плоскому животу, она чувствовала, как тот жадно вдыхает ее аромат: смесь хищного, животного запаха самой Ив и духов «Шанель», которыми она пользовалась с детства.

Макс шумно дышал, и мать ощущала обожание, буквально исходившее от его маленького, плотно сбитого тела. Волна сознания собственного могущества захлестнула Ив. По телу поползли мурашки.

– Иди и садись на мамочкину кровать. Сейчас получишь свой особенный подарок.

Макс с восторгом наблюдал, как мать извлекает сверток из ящика, где держала перчатки. Именно этого он ждал. Не какого-то идиотского праздника с ордой одноклассников, которые и притащились только затем, чтобы пияться на его маму! Можно подумать, Макс когда-нибудь это допустит!

Он снова подумал об отце. Как же он его ненавидит!

«Ну что, парень, здорово было?»

Здорово?! С таким, как ты?!

Макс жаждал поскорее увидеть тот день, когда Кита заколотят в гроб. Тогда его чудесная мамочка будет принадлежать только ему. Тогда можно наконец перестать притворяться.

Мальчик дрожащими руками разорвал оберточную бумагу. В глаза ударил блеск черного металла. Поезд? Или?..

– Нравится? – хрипло прошептала Ив. Макс молча смотрел на нее. Обычно мать делала все, чтобы спрятать лицо от окружающих. Но не от него. Макс был особенный. Он должен был видеть изуродованное лицо матери. Без прикрас, со всеми ужасными шрамами. Любовь к матери так распирала сердце, что иногда даже плакать хотелось.

– Ма! – ахнул Макс – Он... настоящий?

– Ну разумеется. И очень старый. Он был в нашей семье очень-очень долго.

Макс любовно погладил спусковой крючок. Детские пальцы ласкали гладкую поверхность. Такая сила! И принадлежит ему!

– Ты уже почти взрослый, Макс, – продолжала Ив. – Слишком взрослый для игрушек. Кит в отличие от меня этого не понимает.

В разговорах с сыном Ив всегда называла мужа по имени. Никогда «папа» или «папочка». Раньше Кит, слыша это, всегда жаловался и зудел:

– Мне это неприятно, дорогая! Хотелось бы, чтобы ты перестала называть меня по имени. Ведь Макс не зовет тебя Ив!

Однако его жалкие попытки заставить сына называть себя отцом обычно уже через несколько недель сходили на нет.

– Но это не я, дорогой, а Макс. Кроме того, не вижу, что тут такого! Всего лишь одна из его маленьких странностей. Чем больше ты будешь настаивать, тем сильнее он будет упрямиться. Ты ведь знаешь, каковы дети!

– Кит знает, что ты мне его подарила?

Макс был очарован пистолетом. Само совершенство. Как его мать.

– Нет, – улыбнулась Ив. – Это наша тайна. Я буду хранить его в сейфе, чтобы не возбуждать излишних подозрений. Но ты можешь брать его оттуда, когда пожелаешь. Только попроси меня, и я немедленно принесу.

Но тут в голову Макса пришла шокирующая мысль:

– Это не пистолет дяди Питера? Тот, из которого он... ты знаешь. Когда я был маленьким...

Четыре года назад дядя Макса, доктор Питер Темплтон, в приступе пьяной ярости, едва не застрелил собственных детей. Никто не знал точно, с кем он хотел покончить: с собой, Лекси или Робертом. Питер был настолько пьян, что ничего не помнил. Известно было только, что приехавшая рано утром домоправительница, услышав выстрелы, вбежала в кабинет и вырвала пистолет из рук Питера, получив при этом пулю в руку.

Женщине, конечно, заплатили. Макс подслушал, как Кит говорил, что чек был выписан «на миллионы», но, очевидно, деньги были потрачены даром и история не попала в прессу. С того самого дня Питер не прикасался к спиртному. Пистолет таинственно исчез.

Ив покачала головой:

– Нет, дорогой. У него куда более интересная история. Пистолет когда-то принадлежал моему деду, Дэвиду Блэкуэллу. Твоему прадеду.

Грудь Макса раздулась от гордости. Он любил слушать историю о материнской семье. Его семье.

Первое, что запомнил Макс, – глубокий, чувственный голос матери, убаюкивавшей его рассказами о прапрадеде, Джейми Макгрегоре, и могучей империи, которую тот основал. Первым словом Макса было «мама», вторым – «Крюгер», третьим – «Брент». Пока другие мальчишки грезили о динозаврах и Супермене, подсознание Макса сверкало украденными алмазами, продав которые Джейми нажил целое состояние. Состояние Макса.

Он не нуждался в волшебных сказках о несправедливо обиженных принцессах, драконах и пряничных замках. Его мать была той самой, несправедливо обиженной принцессой. Это у нее украли королевство, а злобный отец Макса заточил ее в башне-пентхаусе. Он, Макс, был рыцарем, спешившим на выручку принцессы, «Крюгер-Брент» – их замком. Что же до драконов, которых следовало убить... их и не пересчитать! Все, кого знал Макс, были его врагами – от мерзкого Кита до мальчишек в школе, издевавшихся над его матерью, и кузенов Темплтон, Роберта и Лекси.

– Они украли твое наследство, дорогой. Забрали то, что принадлежит тебе, и выкинули тебя за борт. В точности как когда-то меня.

Она говорила, как вещала. Ее изгнали из рая, и Макс – тот избранный, пророк, мессия, который приведет Ив в землю обетованную.

Только вернув ей компанию, Макс завоюет драгоценнейший в мире приз: ее любовь. Таков их договор, скрепленный кровью его рождения. Макс постоянно об этом думал.

А до того великого дня, когда он исполнит свое предназначение, приходилось учиться выживать на тех крохах любви, которые Ив швыряла ему. Обычно мать была холодной и отчужденной. Ее постоянное присутствие в квартире было подобно изощренной пытке. Макс жаждал ее ласк, как иссохшее речное русло – дождя. Но ему отказывали в малейшем подобии внимания. Кит Уэбстер имел право касаться ее своими вялыми, потными руками. Но не Макс. В тех редких случаях, когда мать прижимала его к себе, маленький мальчик чувствовал, что может двигать горами. Прильнув к ней, упиваясь пьянящим запахом ее кожи, он почти терял сознание от радости, бурлившей в его теле, подобно героиновой отраве.

Ив встала и, потуже стянув пояс халата, подошла к окну.

Макс мгновенно поник. Как всегда, он ощущал уход матери, словно физическую боль. Схватив пистолет, ее подарок, мальчик нежно прижал его к щеке.

– Твой прадед Дэвид никогда не пользовался пистолетом. Из него не сделано ни единого выстрела.

Ив продолжала смотреть в окно. И казалось, говорила с собой, а не с ним.

– Он был слишком большим трусом.

Макс проглотил наживку: невинный агнец, предназначенный на заклание.

– Я не трус, мама. И не побоюсь им воспользоваться.

Ив повернулась.

– Это так? И как именно ты им воспользуешься, дорогой?

Макс не ответил. Да и к чему?

Оба знали, что означает этот дар.

Из этого пистолета он убьет Кита Уэбстера, своего отца.

Глава 6

Лайонел Ньюман взглянул на сидевшего напротив молодого человека и неожиданно вернулся мыслями в прошлое.

В 1952 год. В такое же ясное июньское утро.

Кейт Блэкуэлл сидела на том же стуле, что и молодой человек сейчас. Мысленно прикинув кое-что, Лайонел потрясенно осознал, что в то время Кейт было уже около шестидесяти. Он видел перед собой немолодую, но все еще красивую, безупречно одетую женщину с копной черных волос, кое-где прошитых серебряными нитями. Тогда она беспокоилась о сыне.

– Тони не в себе, Лайонел. Словно в нем что-то умерло. Я делала все, чтобы он был счастлив. Бесполезно. Он полон решимости никогда не жениться.

Проблема с Кейт Блэкуэлл заключалась в том, что хотя время от времени она просила совета у Лайонела, Брэда Роджерса и других топ-менеджеров «Крюгер-Брент», но потом никогда этим советам не следовала. Любой глупец видел, что творится с Тони Блэкуэллом. Парень хотел быть художником, а Кейт не желала об этом слышать. Ее стремление беспощадно растоптать мечты Тони стоило бедному малому рассудка. Но Кейт Блэкуэлл, словно слепая, ничего не видела вокруг. И сошла в могилу в полной уверенности, что была прекрасной матерью своему сыну. Это Тони подвел ее.

Конечно, Тони Блэкуэлл женился. И несколько месяцев был счастлив, безоблачно счастлив, пока его жена Мэриен не умерла родами.

– Все они мертвы. Кейт, Тони, Мэриен. Но я еще здесь. Тот же офис. Та же семья. Те же проблемы. Что за странная штука жизнь!

Молодой человек, сидевший напротив Лайонела, был Робертом Темплтоном, правнуком Кейт Блэкуэлл. Если бы Тони не женился, молодого Роберта не было бы на свете. Ни в офисе Лайонела, ни на земле. Но Кейт и здесь получила то, чего добивалась. Почти невозможно поверить, что парню уже девятнадцать лет: шесть футов роста, красавец блондин, идол девчонок.

Но он уже не ребенок, а мужчина. В этом-то вся беда.

– И вы не сможете мне помешать.

Тон Роберта был угрюмым и агрессивным. Он сел прямее, положил на колени руки с длинными пальцами пианиста и вызывающе уставился на старика.

– Я уже взрослый человек. Это мое и только мое решение. Покажите, где подписать, и я уберусь отсюда.

– Боюсь, Роберт, все не так просто.

Лайонел провел морщинистой рукой по жестким, с сильной проседью волосам, чем еще больше напомнил Роберту престарелого кролика. Кончик его носа постоянно подергивался, словно он по запаху улавливал нюансы юридических уловок. Даже офис походил на нору: панели темного дерева, тусклые лампы от Тиффани, и переплетенные в винно-красную кожу тома правовой литературы, которыми был забит каждый уголок комнаты.

– Твой отец...

– Мой отец не имеет к этому никакого отношения! – завопил Роберт, ударив кулаком по столу. Верхние листы аккуратно сложенных документов сползли на столешницу. Старик даже глазом не повел.

Похоже, у мальчика взрывной характер прабабки. Но его этим не испугаешь! Ему не привыкать к воплям обозленных Блэкуэллов. Он тут и не такое слышал.

Какая жалость! Роберт был очень милым маленьким мальчиком! Недаром Кейт так его любила. Но, по мнению Лайонела, он вырос избалованным молодым человеком. В девятнадцать лет парень уже имел приводы в полицию за воровство и употребление наркотиков. Воровство! Что понадобилось красть наследнику «Крюгер-Брент»?!

Лайонел Ньюман достаточно прожил, чтобы знать: такое почти непристойное богатство, как у Блэкуэллов, – скорее проклятие, чем благословение. Робби Темплтон, похоже, пойдет по той же дорожке, что и бедная Кристина Онассис: наркотики, спиртное и депрессия. Почему-то Робби напоминал Лайонелу шекспировского Гамлета. Датский принц раздумывал, стоит ли покоряться «пращам и стрелам горестной судьбы». Судьба Робби была поистине горестной. Если вдуматься, принц датский был нищим по сравнению с состоянием Блэкуэллов. Что же до «пращей и стрел» – молодой Роберт сам навлекал на себя неприятности.

Но Лайонел во всем винил отца мальчишки. После несчастного инцидента с пистолетом Питер, казалось, совершенно отрекся от всех родительских обязанностей. Слишком сильно терзался угрызениями совести, чтобы приструнить собственных детей.

Что нужно Роберту – так это послужить в армии. Там из него сделают мужчину.

Ничто так надежно не приводит в чувство молодого обормота, как небольшая война.

– Твой отец как председатель и пожизненный член совета директоров «Крюгер-Брент» должен быть уведомлен о решениях, которые могут существенным образом повлиять на компанию.

– Но никто не может мне помешать отдать мое наследство! Он может рвать и метать, если ему от этого станет легче. Но в результате ничего не изменится, так ведь?

Лайонел покачал головой. Столько гнева! Такая самоуверенность. Самонадеянность юных...

– В принципе, Роберт, ты прав. Решение зависит от тебя. Однако как поверенный твоей семьи в течение сорока лет я обязан уведомить...

Но Робби ничего не желал слушать.

– Отдай компанию тому, кому есть до нее дело. Я не хочу и никогда не хотел «Крюгер-Брент». И плевать мне на мое проклятое семейство! Ни один ни черта не стоит... кроме Лекси, конечно.

Он пришел к главному в своей жизни решению вчера вечером. Честно сказать, в то время он был под кайфом, затерян в текилово-героиновом тумане и сидел за грязным, расстроенным пианино в «Томмиз», бруклинском гей-баре. Какой-то парень постарше, строивший ему глазки весь вечер, заорал:

– Знаешь, малыш, ты мог бы зарабатывать этим дерьмом себе на жизнь!

Мужчина просто хотел подольститься к красивому пианисту, но Робби словно пулей прошило мозг.

Он действительно может зарабатывать игрой! Может сбежать. Подальше от папаши, подальше от «Крюгер-Брент», подальше от преследующих его демонов. Изменить имя. Играть на пианино в каком-нибудь захудалом баре. Понять, кто он есть на самом деле.

Робби Темплтона не интересовали тревоги, предостережения и нытье старого Ньюмана. Он хотел свободы.

– Сейчас!

Он схватил лист бумаги и ручку и нацарапал несколько строк, которые должны были навеки изменить его жизнь...

Я, Роберт Темплтон, настоящим отказываюсь от всех претензий на имущество и наследство, оставленное мне моей прабабушкой Кейт Блэкуэлл, включая права на пользование акциями «Крюгер-Брент лимитед», в пользу моей сестры, Александры Темплтон.

– Оно подписано и датировано. И вы только что стали свидетелем.

Вручив бумагу взволнованному адвокату, Роберт встал. Лайонел в который раз пораился красоте мальчика. Настоящий представитель золотой молодежи. Но предательские при-

меты разгульной жизни уже проступили на лице. Налитые кровью глаза, запавшие щеки, приступы неконтролируемого озноба...

Сколько времени пройдет, прежде чем он очутится в сточной канаве? Еще один безнадешный, беспомощный, безликий наркоман...

Полгода. Самое большее...

– Спасибо за помощь, мистер Ньюман. Не провожайте, я сам найду дорогу.

Глава 7

Лекси Темплтон разительно отличалась от своих сверстниц.

Когда ей было пять, отцу позвонили из детского сада.

– Боюсь, вам придется приехать и немедленно забрать Лекси, – объявила расстроенная директриса миссис Теккерей.

– Что-то случилось? С Лекси все в порядке? – встревожился Питер.

– Ваша дочь совершенно здорова, мистер Темплтон. Я беспокоюсь за других детей.

Стоило Питеру появиться на пороге подготовительной школы «Маленькие херувимы», как Лекси в слезах бросилась ему на шею:

– Я ничего не сделала, папочка! И ни в чем не виновата!

Миссис Теккерей отвела Питера в сторону.

– Сегодня утром мне пришлось отправить в медпункт двоих детей. Ваша дочь набросилась на них с ножницами. Один мальчик только по счастливой случайности не потерял глаз!

– Вздор! Такого быть не может!

Питер взглянул на Лекси, обхватившую его ноги. В своем желтом полотняном сарафанчике с такими же желтыми лентами в волосах она выглядела олицетворением невинности.

– Почему она так поступила?

– Понятия не имею. Сотрудники заверили меня, что нападение было совершенно неожиданным. К сожалению, мы не можем допустить, чтобы Лекси оставалась в «Маленьких херувимах». Вам придется подыскать что-нибудь другое.

Усадив дочь в лимузин, Питер стал допытываться, что произошло на самом деле.

– Ничего особенного!

Лекси, очевидно, ничуть не раскаиваясь, весело болтала ногами.

– Не знаю, из-за чего поднялась вся эта суматоха! Я делала коллаж. Картинку с «Крюгер-Брент». Знаешь, та башня, куда ты едешь на работу?

Питер кивнул.

– Она такая красивая, серебристая, и я сделала коллаж из пищевой фольги. Но Тимми Уиллард сказал, что моя картина «чертовски глупая», а Малколм Мэллой посмеялся.

– Они вели себя некрасиво, дорогая. И что же ты сделала?

Лекси с сожалением взглянула на него, словно говоря: «Что за странный вопрос?»

– Я постояла за себя, как ты мне велел. Ткнула ножницами в голову Томми. Не волнуйся папа, – добавила девочка при виде потрясенного лица Питера. – Он не умер. Давай пойдем в «Макдоналдс»? Я хочу есть.

* * *

Детские психологи твердили одно и то же.

Лекси очень умна и чувствительна. Агрессивное поведение вызвано потерей матери.

– Но откуда такая злость у маленького ребенка? Такое желание отомстить? Полное отсутствие моральных принципов? – недоумевал Питер.

Ответ неизменно был один и тот же:

– Все это она когда-нибудь перерастет.

– Я не желаю слышать твоих оправданий! Ты отравила королеву! И за это тебе отрубят голову.

Лекси схватила Русалочку: куклу Барби, выпущенную очень ограниченной партией.

– Я проучу тебя, преступница с рыбьим хвостом!

Торжествующе улыбаясь, она оторвала кукле голову.

– Вот теперь ты совсем мертва!

– Лекси!

В комнату вошла новая няня, миссис Грейнджер. При виде пола, усеянного обезглавленными куклами, она вздохнула.

Опять? Что случилось с кукольными чаепитиями и пикниками?

В ее время восьмилетние девочки были совсем не такими.

Бездетная вдова лет пятидесяти с хвостиком, миссис Грейнджер была нанята взамен пресловутой миссис Картер. Бывшая домоправительница Темплтонов забрала свои кровные денежки, развелась с ворчливым мужем и уехала на Гавайи. В последний раз ее видели на пляже Мауи, где полуобнаженный двадцатилетний юнец по имени Кеану, втирал кокосовое масло в ее пухлую спину. Новая няня плохо переносила кокосовое масло.

Миссис Грейнджер по-своему любила Лекси, но бесхарактерной назвать ее было нельзя. Куклы Барби стоят денег, и она вечно журила Лекси, требуя бережно обращаться с игрушками.

Что здесь происходит?

Лекси лихорадочно соображала, как быть. Миссис Грейнджер сердится. Как ее задобрить? Что она хочет услышать?

– Не беспокойтесь, миссис Джи. Я всего лишь играла. И в два счета могу их починить. Смотрите.

Схватив кукольную голову, Лекси безуспешно попыталась прикрепить ее к телу. Оказалось, что это вовсе не так легко, как кажется. Обрубок шеи был слишком широк для дыры над плечами, которая, как по волшебству, сузилась, едва Лекси оторвала голову. Пряди красного нейлона липли к пальцам. На лбу у девочки выступили крупные капли пота.

– Честно-честно, я смогу все исправить. Я уже делала это раньше.

– Вполне возможно, но тебе прежде всего не следовало отрывать им головы. Теперь ковер выглядит как «Ночь живых мертвецов».

– Я не виновата! Ариэль пыталась убить королеву!

Лекси показала на одну из Барби, пока еще сохранившую голову. Одета в королевский красный бархат, с обрывком мишуры, обвивавшей голову, прекрасная блондинка раскинулась на невероятно дорогой «кровати Барби», которую Робби купил сестре на прошлой неделе.

Как раз то, что нужно Лекси. Новые игрушки.

– Ее отравили. Видите? Поэтому она такого странного цвета.

Миссис Грейнджер шагнула ближе и застонала при виде лица куклы, размалеванного зеленым фломастером. Только бы Лекси не успела измазать одежду и постельное белье. Эту штуку ничем не вывести.

– Если вы кого-то отравите, вам отрубят голову! – торжественно объявила Лекси. – Это чистая правда, миссис Джи. Я читала в учебнике истории.

Выражение ее лица было таким уморительно-серьезным, что няне стоило большого труда не рассмеяться.

– Да, но я предпочитаю, чтобы история не повторялась так часто, особенно на полу спальни, – строго ответила миссис Грейнджер. Однако Лекси знала, что победила. Одно дело – сердиться. Другое – притворяться рассерженной, а Лекси была достаточно умна, чтобы видеть разницу.

Снизу донеслись громкие голоса взрослых. Лекси встревоженно встрепенулась:

– Папа кричит. Как по-вашему, Робби снова попал в беду?

– Понятия не имею.

Миссис Грейнджер плотно прикрыла дверь спальни.

– Если это и так, тебе нечего беспокоиться. Твой брат достаточно велик и уродлив, чтобы самому о себе побеспокоиться.

– Робби не уродлив! – мгновенно встала на защиту брата Лекси. – Он самый красивый во вселенной! Так все говорят!

Миссис Грейнджер снова вздохнула. Хотелось бы, чтобы Лекси не понимала все так буквально. И еще хотелось бы, чтобы мистер Темплтон научился не повышать голос. Он понятия не имел, насколько чувствительна и умна его дочь. Лекси, словно крохотный спутниковый приемник, пропускала через себя все скопившееся в доме напряжение, и преобразовывала его в собственное видение мира, которое с каждым днем становилось все более искаженным.

Сегодня она отрывала головы куклам.

Что же будет завтра?

– Извращенец! Растлевает невинных детей! Подобных психов следует кастрировать!

Питер Темплтон старался дышать как можно ровнее. Главное – не терять спокойствия. Не сорвать злость на этой мерзкой бабе, которая стояла в гостиной и изрыгала непристойности, как спятившая шлюха.

– Мы с Лудо можем и в полицию пойти, и посмотрим, что будет с вашим сыночком!

Женщина, выражавшаяся, как спятившая шлюха, на самом деле была Анжеликой Деллал, женой известного менеджера банка «Джей-Пи Морган» Лудо Деллала и матерью шестнадцатилетнего Доминика Деллала, футбольной звезды и (если Питер верно понял смысл тех мерзостей, которые изрыгала эта особа) любовника его сына Роберта.

– Гомик! Урод! Педофил!

Поток обличений вторгся в сознание Питера, как токсичные отходы из канализации.

Эта женщина лет сорока двух, с красивым аристократическим лицом и безупречно подстриженными осветленными волосами, первым признаком жены богатого человека, вероятно, когда-то была ослепительной. Но всякая сексапильность, которой она когда-то обладала, давно уже была задушена спа-процедурами, пилингами, косметикой, маникюром и инъекциями ботокса. В этот момент она выглядела положительно уродливой: рот растянут чуть ли не до ушей, лицо искажено яростью, руки в бриллиантовых кольцах молотят воздух.

– ...что теперь?

Питер вздрогнул, поняв, что она наконец уgomонилась.

– Простите... что вы спросили?

Анжелика выглядела так, словно вот-вот лопнет от возмущения.

– Вопрос в том, что вы собираетесь предпринять, чтобы ваш мерзкий сыночек-извращенец держался, черт возьми, подальше от моего мальчика?

– Я поговорю с Робертом.

– Поговорите? И это все? Мой муж поймал их! Они устроились на заднем сиденье машины, ясно? Вы понимаете, о чем я? До вас наконец дошло?

Она ткнула когтем, покрытым французским лаком, в сторону Питера. Тот инстинктивно отступил, схватившись за спинку дивана, чтобы не упасть. Неужели Робби в самом деле способен на такое?

Питер вздрогнул. Об этом даже подумать страшно!

– Возможно, ваш муж ошибся? – едва слышно прошептал он, прекрасно сознавая, что Лудо Деллал не мог ошибиться. Просто у него не хватает силы воли признаться, что банкир прав. Признаться даже себе.

Несмотря на тридцатилетний стаж врачебной практики, Питер не мог смириться с тем, что его сын – гей. Сколько латентных гомосексуалистов он консультировал за эти годы? Десятки. И так легко было сочувствовать этим отчаявшимся беднягам, измученным собственной непохожестью на остальных. Но сын... это совсем другое. Ему безумно хотелось верить, что это сын ужасной особы сбил Роберта с пути, а не наоборот. Что это его, Питера, ребенок проходит через фазу юношеского вызова окружающему обществу. Его ребенок перерастет тягу

к мужчинам. Его ребенок поступит в Гарвард, станет звездой футбола и будет вспоминать свои юношеские проделки как нечто глупое и незначительное. Так, временные сексуальные сдвиги.

Он цеплялся за эту надежду, как неудачник-альпинист, льнувший к отвесному склону скалы, не шадя рук, с которых слетели перчатки. Женоподобным Робби никак не назовешь. Девушки вились вокруг него, как мухи над медом, наперебой назначая свидания. Может, мальчик просто застенчив? Задержка в развитии? Все бывает...

Миссис Деллал уходила, волоча за собой шубу и позолоченную сумочку «Шанель», очень похожая на злую фею.

– Я не шучу, – предупредила она, оборачиваясь. – Если увижу вашего сына-гомика в десяти милях от нашего дома или школы Доминика, немедленно вызову полицию. И молитесь, чтобы полиция нашла его раньше, чем мой муж!

Громко хлопнула входная дверь.

Молчание.

– Папа?

На пороге стояла Лекси в белом муслиновом платье с вышитыми на рукавах бабочками и с голубым бантом в светлых волосах.

Сама невинность.

– Что такое «извращенец»?

К своему величайшему смущению, Питер почувствовал, что краснеет.

– Видишь, солнышко... э-э-э-э... это плохое слово.

– Да, но что оно означает?

– Ничего особенного, милая.

– Вот как? Тогда что такое «гомик»?

Ради Господа Бога! Сколько всего еще она слышала?

– Почему бы тебе не пойти наверх? Поиграй немного. Я сейчас поднимусь к тебе.

– Надоело играть.

Лекси понизила голос до заговорщического шепота:

– А извращенец означает с-е-к-с?

– Пойди посмотри «Книгу джунглей». Скажи миссис Грейнджер, что сегодня я разрешаю тебе посидеть перед телевизором.

Лекси с восторженным визгом бросилась в игровую комнату. Питер устало опустился на диван.

– О, Алекс! Почему ты ушла? Почему с каждым днем жить становится все труднее?

Он обязан поговорить с Робби о мальчишке Деллалов. Вот только непонятно, с чего начать.

Как оказалось, заводить разговор первому не пришлось. Робби сам все рассказал, когда приехал домой в одиннадцать вечера, в дымину пьяный, и немедленно пошел разыскивать отца. Тот сидел на кухне.

– Ты б'дешь рад слшать, что я ужжаю, – пробормотал он заплетающимся языком. – Х'чу скзать, я свбоден.

– Ты пьян, Роберт. Несешь бог знает что. Я тебя не понимаю.

– Мой друг, – вдруг ясно выговорил Робби, нагло ухмыляясь. – Мы с моим другом Домом уматываем отсюда. В Новый Орлеан. Наконец-то ты от меня избавился. Открываем шампанское в честь праздника!

Подняв руку, словно желая произнести тост, он потерял равновесие, ударился головой о кухонный стол и сполз на пол.

– Ой! – фыркнул он и расхохотался так, что по щекам поползли слезы.

– Пьянство – это вовсе не забавно, Роберт.

– Да неужели? Странно. А вот твое пьянство вызывало всеобщее веселье.

Глаза сына буквально пылали презрением.

– Может, внести в нашу беседу некоторое оживление? Наставить на тебя пистолет? Вот уж шутка так шутка, верно, па?

Питеру хотелось плакать. Когда это слово успело стать оскорблением?

– Сегодня днем здесь была мать Доминика. Скандалила. Угрожала. Пообещала обратиться в полицию, если ты еще раз подойдешь к ее сыну. Пойми, это совращение несовершеннолетних!

– Совра... что? Черт, это что-то новенькое. Нужно будет попробовать. Дом обожает эксперименты.

– Ты омерзителен! – рявкнул Питер. – Думаешь, это игра? Мальчишке едва исполнилось шестнадцать!

– Он знает, что делает, – пожал плечами Робби. – И, по правде сказать, он чертовски хорош.

– Его родители подадут в суд! Неужели не понимаешь, что можешь попасть в тюрьму?

– Если нас не найдут, никто никуда не попадет.

Робби едва ворочал языком. Голова, казалось, весила тысячу фунтов. После ухода из офиса Лайонела Ньюмана он шатался по барам и медленно напивался до полубессознательного состояния, последнее время ставшего для него образом жизни. Вести подобную беседу – все равно что плыть по морю густого, теплого супа.

Сказать по правде, он почти равнодушен к Дому Деллалу. Не то чтобы они были влюблены или что-то в этом роде. Но явное отвращение отца вызвало желание ответить ударом на удар. Слишком уж оно напоминало Робби о собственных угрызениях совести и презрении к себе. Повезло же ему быть первым в мире геем-гомофобом!

– Сегодня я был у старика Ньюмана.

– В самом деле?

– Чессслово. Да. Вычеркнул себя из завещания. – Робби снова разразился пьяным хихиканьем. – Сказал ему: «Суньте эти деньги себе в зад. Мне не нужен «Крюгергрребаныйбрент».

– Ты не можешь просто взять и вычеркнуть себя из завещания, Роберт, – вздохнул Питер. – Есть трастовые фонды... это очень сложно.

– Никаких трастовых фондов. Я все отдал Лекси.

Робби встал. Комната вращалась, как центрифуга. Прижав руку ко лбу, он почувствовал на пальцах липкое тепло крови.

Питер едва не ахнул. Неужели он действительно отказался от денег Кейт? Имеет ли он право на такое?

– Ты слишком пьян, чтобы мыслить здраво, – сказал он вслух. – Поговорим утром.

– Утром меня здесь не будет.

Робби, пошатываясь, шагнул к отцу. Глаза сверкали пьяной, полубезумной яростью.

Живот у Питера свело. Робби был так близко, что на него пахло запахом перегара.

«Я боюсь. Боюсь собственного сына!»

– Я уезжаю в Новый Орлеан. С Домом.

– Если покинешь этот дом сегодня вечером, не трудись возвращаться обратно! – выпалил он, прежде чем успел опомниться.

– Не волнуйся. Не вернусь. Прощай, па.

– Прощай, Роберт.

Питер смотрел в спину Робби, неверными шагами плетущегося к порогу. Робби все еще зажимал рукой рану на лбу. Через несколько секунд хлопнула дверь.

Питер поежился, представив, как будет терзаться угрызениями совести. Нужно бежать за Робби. Объяснить, что не хотел его выгонять.

Прошло несколько секунд. Несколько минут.

И Питер неожиданно осознал, что ощущения, распирающие его грудь, – вовсе не угрызения совести.

А невероятное облегчение.

Выключив свет внизу, он стал осторожно подниматься вверх, в спальню Лекси. Отныне их будет только двое. Такой брат Лекси ни к чему. О ней позаботится отец!

Он не разбудит ее. Только на секунду встанет на колени у ее кровати. Вдохнет чистый, сладкий запах ребенка. Утешится видом своей спящей, невинной девочки.

Он медленно открыл дверь спальни. В комнате царила кромешная тьма. Осторожно подбравшись к кровати, он переступил груды сброшенной одежды, встал на колени и протянул руку.

В лицо ему ударил порыв холодного ветра.

Питер поднял удивленные глаза. Окно спальни было распахнуто.

В тусклом лунном свете белела пустая постель.

Лекси исчезла.

Глава 8

Очнувшись, она осознала, что находится в темноте.

Полной темноте.

Не темноте спальни. Густой, холодной, удушливой тьме могилы.

Она попыталась закричать, но из горла не вырвалось ни единого звука. Ее рот чем-то забит. Какой-то горькой тряпкой. Она почти не могла дышать.

Где она?

Паника змеиными кольцами обвилась вокруг сердца. Может, она спит?

Она попыталась сесть и больно ударилась головой обо что-то твердое и металлическое.

Гроб? Нет! О Господи, пожалуйста, нет!

– Папочка!

Она снова закричала. И снова тряпка заглушила крики. Девочка стала медленно дышать носом.

«Спокойствие. Ты жива. Не паникуй».

Воздух наполнил легкие.

Расслабься!..

Она как-то разом вспомнила рассказанные на ночь истории о прапрадеде, Джейми Макгрегоре. Джейми был храбрым, хитрым и сообразительным. Он сражался с акулами, сумел выбраться с затонувшего плота и боролся с убийцами. Для него не было безнадежных ситуаций.

Она попыталась мыслить логически.

Что случилось? Как она оказалась здесь?

Ничего не выходило. Она не помнит. Миссис Грейнджер уложила ее в постель, а потом... потом темнота.

Страх вернулся и накрыл ее гигантской волной цунами.

– Помогите!

Лекси вздрогнула. И неожиданно поняла, что ужасно замерзла. На ней по-прежнему была тонкая полотняная ночнушка, в которой она ложилась спать. Но жесткий металлический пол под спиной казался абсолютно ледяным.

Бац!

Что это?

Пол двигался! И все время дрожал. Каждые полминуты ее подбрасывало, как мяч. И тут ее осенило. Машина! Она лежит в багажнике машины. Ее похитили и везут куда-то. В свое логово!

Не случись это с ней, возможно, событие казалось бы волнующим. Похищение было одной из любимых игр Лекси. Но это не игра. Тут все по-настоящему.

– Выходи!

На мужчине была маска. Не вязаная шапочка с прорезями, как у банковских грабителей в кино, а резиновая, из тех, которые носят в Хэллоуин. В ней он казался настоящим мертвецом.

Парализованная страхом и холодом, Лекси оцепенела. В глазах стоял ужас.

– Не стой как столб, – послышался другой голос. – Подними ее! И тащи внутрь, пока никто не увидел.

Мертвец схватил Лекси за руки. Та принялась отбиваться, брыкаясь и царапаясь, как дикая кошка.

– Мать твою!

Мертвец схватился за предплечье, расцарапанное до крови острыми ноготками.

– Маленькая сучка!

Размахнувшись, он так сильно ударил ее по лицу, что девочка потеряла сознание.

Лекси не знала, сколько прошло времени.

Она лежала в комнате без окон, где постоянно горела тусклая лампа дневного света. Время шло. Дни и ночи слились в один бесконечный полумрак. Сначала боль в ушибленной челюсти была непереносимой, но постепенно стала утихать.

В одном углу стояли кровать, старомодный ночной горшок и потрепанная картонная коробка с несколькими растрепанными книжками и дешевыми игрушками. Помещение выглядело скорее офисом, чем жилой комнатой. Игрушки и книги больше подходили малышам лет четырех-пяти. Похоже, ее похитители ничего не знают о детях.

Страх уступил место скуке. Ей нечего было делать. Нечем перебить монотонность бесконечных, одиноких часов. Несколько раз в день заходил человек в маске. Уносил и опорожнял ночной горшок. Приносил Лекси еду. С ней никогда не разговаривали, не отвечали на вопросы, но иногда сквозь стену доносились их приглушенные голоса.

Похитителей было трое. Главарь с низким голосом и странным акцентом и еще двое: мертвец и тот, кто носил маски животных: то свиньи, то собаки, то змеи. Ну и третий, человек-животное, который пугал ее больше всех.

Он стоял над ее кроватью. Сегодня на нем была маска свиньи.

– Только пикни, и я тебя убью.

– Не убьешь. Если бы хотели убить меня, давно бы это сделали. Я нужна вам живой.

Лекси открыла рот, чтобы закричать. Поздно. Огромная горячая ладонь запечатала ей губы.

Он навалился на нее, такой тяжелый, что дыхание перехватило. Одна рука по-прежнему зажимала ей рот, другая шарилась под ночнушкой. Боль между ног была такой резкой и внезапной, что на глаза Лекси навернулись слезы. Она пыталась оттолкнуть его, но силы были слишком неравны. Она могла лишь беспомощно трепыхаться, как бабочка на булавке.

Он издавал странные звуки, гортанные, хриплые стоны, никогда не слышанные Лекси раньше. И вдруг телу стало легко. Он отодвинулся.

Голоса.

– Что это ты здесь делаешь?

Это главарь.

– До обеда еще три часа. Что это ты сюда приперся?

Лекси не могла видеть лица «свиньи», но чувствовала, что тот боится.

– Одно слово, и я перережу тебе горло, – прошипел он. – Ясно?

Лекси кивнула.

Агент Эндрю Эдвардс уныло взглянул на пачку черно-белых фотографий. Стопка была толщиной с телефонный справочник.

– Здесь все?

– Да, сэр. Каждый склад, ангар и промышленное предприятие в радиусе пятнадцати миль от того места, где была брошена машина.

Прошло одиннадцать дней, четыре часа и шестнадцать минут с тех пор, как Питер Темплтон заявил о пропаже дочери. Агент Эдвардс слушал отчаянный голос Питера, звонившего в полицию, столько раз, что мог повторить наизусть каждое слово. В девяти случаях из десяти исчезновения детей были каким-то образом связаны с родителями. Что тут скажешь? Извращенный мир. Но сейчас агент Эдвардс был склонен верить отцу. Его душевные терзания казались искренними, а кроме того, записка, оставленная под подушкой девочки, позволяла обвинить в похищении организованную криминальную группировку: никаких отпечатков пальцев, записка написана на самой обычной принтерной бумаге. Следов нет. Уцепиться не за что.

У семьи Блэкуэлл было две недели, чтобы перевести десять миллионов долларов на безымянный счет на Каймановых островах. Если в дело вмешается полиция, девочку немедленно убьют.

Агент Эдвардс был шотландцем по рождению и ньюйоркцем по темпераменту: светлокотый, с водянистыми янтарными глазами и волосами, так и не выбравшими определенного цвета и оставшимися чем-то средним между светлыми и рыжими. Он любил янки, ненавидел уличные банды и наркодилеров, наводнивших город, и характеризовал ежегодный отпуск на берегах Джерси как «путешествие».

Эдвардс тяжело вздохнул.

– Всего должно быть не меньше трехсот зданий.

– Четыреста двадцать.

– Какие-нибудь хорошие новости для меня имеются, агент Джонс?

– Собственно говоря, да, сэр. Вот это...

Коллега агента Эдвардса вручил боссу тонкую картонную папку.

– Список развалин или заброшенных зданий.

– Сколько всего?

– Восемнадцать. Я сегодня же могу направить туда наружку.

– Нет. Рано.

– Но, сэр, у нас осталось менее шестидесяти часов. Крайний срок...

– Думаешь, я не знаю, когда у нас чертов крайний срок?

Агент Эдвардс раздраженно поморщился. Что за шутов берут нынче в Бюро?! Не хватало еще, чтобы все склады в Нью-Джерси кишели агентами ФБР! Если эти парни перепугаются, то просто прикончат девчонку на месте.

Семейство Блэкуэллов и без того страшно рисковало, обратившись к властям. При своих деньгах и связях они преспокойно могли бы заплатить или нанять частных детективов, чтобы попытаться достать этих типов.

Но они этого не сделали. Они пришли к агенту Эдвардсу. Теперь его карьера либо взлетит вверх, либо потерпит жесточайший крах. Поэтому ошибиться никак нельзя.

Огромной удачей было уже то, что удалось найти машину похитителей. Эдвардс сравнил ДНК волос, найденных в багажнике, с волосами с подушки Лекси. Два звонка в офис Темплтона были, возможно, сделаны с большого промышленного предприятия. Трудно поверить, но целая бригада экспертов ФБР изучала измененные голоса и анализировала эхо.

Но этого оказалось недостаточно. Агенту Эдвардсу не нужны восемнадцать возможных объектов. Ему требуется один.

– Пошлите вертолет. Пусть летит не слишком низко. Его появление не должно привлечь внимания.

– Да, сэр. Что должны искать пилоты?

Агент Эдвардс смерил коллегу уничтожающим взглядом.

– Изумрудный город страны Оз! Следы шин, олухи безмозглые! Пусть ищут следы шин!

Он вообще не собирался в этом участвовать.

И когда ему позвонили, лежал в пхукетском борделе, наслаждаясь ласками одиннадцати сестер-близнецов. Блаженство. Он любил тайцев. Такие приветливые, добродушные люди.

– Десять миллионов баксов. Делим на троих. Охранник в доме – болван из какого-то захолустья. Поверь, это легче, чем отнять конфету у ребенка. Влезть в окно, забрать девчонку, получить деньги и разбежаться.

– Я не нуждаюсь в таких деньгах.

Смех.

– А это вовсе не обязательно. Главное – хотеть!

– Я завязал, понятно? Найди кого-нибудь другого.

Он зажмурился от удовольствия, пока девочки ласкали его. Дома он платил проституткам, заставляя одеваться школьницами. Но никакая подделка не может сравниться с подлинником.

– Знаешь, девчонка просто куколка. – Собеседник не сдавался. – Копия матери. Все так говорят.

Он поколебался. И неожиданно перед глазами всплыл образ совсем молодой Александры Блэкуэлл. Как хорошо он помнил ее! Длинные стройные ноги с карамельного цвета загаром. Каскад светлых волос. Подрагивающие розовые губы раскрываются в улыбке: «Привет, Рори. Давно не виделись».

– Сколько, говоришь, ей лет?

– Ей восемь.

Восемь лет.

Копия матери.

Все так говорят.

– Ладно, согласен. Но это в последний... – Он не успел договорить. В трубке раздались короткие гудки.

– Вы нашли ее?

Питер так сильно вцепился в руку Эдвардса, что она онемела.

Бедный ублюдок! За последние две недели он состарился на десять лет!

– Мы так считаем. Да. Фабрика в Джерси рядом с...

– Когда вы ее освободите?

– Сегодня вечером, когда стемнеет.

– Нельзя ли прямо сейчас?

– Вечером лучше. Поверьте, сэр. У нас большой опыт в освобождении заложников.

«Надеюсь, он знает, что делает», – подумал Питер.

«Хоть бы все получилось», – подумал Эдвардс.

«Что, если до вечера они успеют ее убить?» – подумали оба.

– Попробуйте отдохнуть, сэр. Как только мы что-то услышим, я дам вам знать.

Главарь и Мертвец злились на Свиныю. Лекси слышала, как они ругаются. До нее доносились обрывки разговора:

– Мы договорились... не смог удержаться... что, если она узнает...

– Не узнает... маска...

– Чертов педо...

– ...сколько еще? Мне нужны деньги.

– Скоро.

– Уже две недели... если бы они собирались платить...

– Заткнись ты, черт бы тебя подрал! Получишь свои деньги...

Лекси прижалась лицом к двери своей тесной камеры, напрягая слух, стараясь расслышать каждое слово. Не потому что боялась. Просто пыталась собрать как можно больше сведений о своих похитителях. Особенно о Свиные. О том, кто сделал ей больно. Вонзился в нее своим странным отростком.

Ничего, родные придут за ней. Рано или поздно, но придут! И тогда она заставит Свиныю страдать за все, что он с ней сделал.

Самым большим кошмаром было не то, что ее убьют. Она боялась, что похитители каким-то образом сбегут. Она не должна этого допустить. Их следует наказать.

– Иисусе, сколько еще ждать?

Агент Эдвардс съехался за машиной без опознавательных надписей. Сумерки сгустились. Рядом сидел его младший партнер, агент Джонс. За ними прятался Чак Баркли, командир специального корпуса морской пехоты, возглавлявший операцию по спасению заложницы.

– Двенадцать минут, – улыбнулся капитан Баркли. Зубы ярко блеснули на вымазанном сажей лице. Капитан был неприметным коротышкой лет сорока пяти, с худым жилистым телом и впалыми щеками. И напоминал скорее фокстерьера, чем мастифа, которого ожидал агент Эдвардс. Более того, «группа захвата» Баркли, похоже, состояла из пяти молодых пехотинцев с приборами ночного видения и стандартными пистолетами. Никаких автоматов или ручных гранат.

– Баркли – лучший из лучших, – уверял шеф агента Эдвардса.

Пусть только попробует не быть лучшим!

Двенадцать минут тянулись, как двенадцать часов. Стояла теплая летняя ночь, но агент Эдвардс чувствовал, как бежит по спине озноб. Холодный липкий пот сочился из всех пор. Рубашка насквозь промокла. Он заметил, что агент Джонс тоже дрожит.

Полуразрушенная текстильная фабрика на холме была почти неразличима в темноте. Несмотря на доносившийся с шоссе номер 206 рев машин, фабрика казалась самым заброшенным местом на земле.

И тут капитан едва заметно кивнул своим людям. Еще секунда, и они как по волшебству растворились на абсолютно плоской местности, бесшумно упав в траву, подобно листьям. Впечатляющее зрелище.

Фэбээровцы остались одни.

– Началось, сэр.

Агент Джонс боялся босса. Даже в лучшие времена Эндрюс казался угрюмым ублюдком, но после похищения девчонки Темплтон к нему было лучше не приближаться.

– Да, Джонс. Началось.

– Все будет в порядке, сэр. Все говорят, что лучше этих парней не сыскать.

– Хм-м-м.

– Согласно данным разведки...

– Ш-ш-ш-ш...

Эдвардс прижал палец к губам.

– Слышишь?

– Что, сэр?

– Выстрелы.

– Я не слышу ни...

В глаза ударила слепящая вспышка света. Шум, похожий на львиный рев, только в сотни, тысячи раз громче, взорвал тишину. Мужчины инстинктивно заткнули уши и повалились на землю.

– Какого...

У агента Джонса зазвенело в ушах. Во рту стоял вкус пыли, земли и травы.

– Бомба! Не вставай!..

Снова рев. Оглушительный, словно все живое втягивало в грозовую тучу. На холме заплясали языки пламени. Мельница была освещена импровизированной иллюминацией. Какая мрачная красота.

Агент Эдвардс пошарил под влажной рубашкой в поисках пистолета.

– Срочно позвони, доложи обстановку. Я иду туда.

– Нет, сэр! Нельзя! Вы не знаете, что происходит. Здание в любую минуту может обрушиться.

«Как и моя карьера, если я не вытащу девчонку Темплтона живой».

– Немедленно звони! – крикнул Эдвардс, не оборачиваясь, но третий взрыв полностью поглотил его слова. Агент Джонс снова бросился под прикрытие.

К тому времени, как он открыл глаза, босс уже исчез.

Лекси как раз доедала ужин, когда послышался первый выстрел. Она мгновенно поняла, в чем дело. Они здесь! Они пришли за ней! Она знала, что так будет!

Ровно через полминуты дверь ее комнаты распахнулась. На пороге встал главарь. Тот иностранец. Должно быть, у него не хватило времени надеть маску. Поспешно завязанный шарф закрывал только нижнюю половину его лица.

– Иди сюда! Быстро!

Кудрявые каштановые волосы. Карие глаза. Почти нет морщин: он молод, моложе Свины. Кольцо на мизинце. Маленький шрам над левой бровью.

– Кому сказал?!

Лекси не сдвинулась с места, притворяясь, будто сильно напугана. Но в душе она торжествовала.

Главарь колебался. В дверях появился Мертвец, ударивший ее в лицо, когда она пыталась отбиваться.

– Брось ты ее! Я расставил ловушки. Сматываем удочки!

– Иисусе! Билл, нельзя же бросить ее здесь. Сейчас здание взлетит на воздух.

Билл. Мертвеца зовут Билл!..

– Хочешь, бери ее себе. Я линяю.

Повернувшись, он бросился бежать.

– Прощай, Билл!

Главарь беспомощно помялся и шагнул к ней. Лекси поспешно отступила. Теперь он вовсе не походил на главаря. В его взгляде она увидела страх.

– Будь по-твоему. Сиди здесь. Сгоришь заживо, туда тебе и дорога, – бросил он, прежде чем последовать за своим дружкой.

Лекси подождала, пока звук шагов затих, и только тогда выглянула из комнаты.

Она впервые оказалась за дверью камеры, с тех пор как ее привезли в это место. Когда привезли? Несколько дней назад? Недель? Месяцев?

Она оказалась в узком коридоре, выходявшем в огромное пустое обветшалое помещение, нечто вроде аэродромного ангара. Но она даже не огляделась. Даже не попыталась поискать спасателей.

Она хотела найти Свинью.

Где он? Неужели успел сбежать? Господи, не дай ему скрыться!

Лекси прислушалась к очередной короткой перестрелке в другом конце здания. Повернулась в ту сторону и оцепенела. Гигантский огненный шар метнулся ей навстречу.

Как комета в боулинге. А она – кегля!

Девочка так поразилась, что забыла о страхе. А потом все слилось в кошмар наяву.

Огонь... повсюду. С потолка валятся стекло, кирпичи и бревна. Стены складываются, как карточный домик, плаваясь в невыносимом жару.

Потом единственное, оглушительное «бум-м-м», такое громкое, что даже земля не смогла его поглотить.

И это было последнее, что услышала Лекси Темплтон.

Глава 9

Он был самым известным барристером в Лондоне.

Спеша по Стрэнду к Олд-Бейли, зданию прославленного центрального уголовного суда, он был так внушителен в безупречном костюме с Сэвил-роу и начищенных ботинках ручной работы, что прохожие оглядывались, а кое-кто и перешептывался:

– Знаете, кто он? Гейбриел Макгрегор. За шесть лет не проиграл ни одного дела. Настоящий гений.

Светловолосый, сероглазый красавец, сложенный, как нападающий-регбист, широкоплечий, мускулистый, с длинными, сильными, как дубовые стволы, ногами, он был неотразим. Но не это самое главное. При виде этого сильного человека с открытым лицом, квадратным подбородком и спокойным прямым взглядом у членов жюри присяжных невольно возникало к нему доверие.

Помимо физической силы, он обладал мощным интеллектом и способностью в считанные мгновения схватить суть любого дела. Инстинктивно знал, когда оказать давление на свидетеля, а когда промолчать. Когда запугать, польстить, уговорить, внушить ужас и изобразить дружелюбие. Все судьи знали и уважали его, втайне считая на голову выше их всех, вместе взятых.

Макгрегор взглянул на часы и ускорил шаг. Не стоит опаздывать на заседание.

Широкие шаги, казалось, без усилий поглощали ярды и ярды тротуара, как кит, одним махом отправляющий в глотку сотни фунтов планктона. Макгрегор казался колоссом. Гигантом среди лилипутов.

– Гейб, слава Богу! Я думал, ты решил соскочить!

Майкл Уилмонт был солиситором¹³. Каждый раз при виде него на ум приходили три слова: «Слабый, жалкий, разочарованный». Майкл Уилмонт был непомерно толст, вечно завален работой и давно не питал никаких иллюзий относительно своей карьеры. На нем, как всегда, был дешевый, затертый до блеска костюм с пятнами пота под мышками. И еще – вечно озабоченная физиономия. Если бы существовало такое понятие, как юридическая команда первой лиги, Майклу Уилмонту в ней не бывать. Никогда. Ни за что.

– Я никогда бы так не поступил, Майкл, – мягко ответил Гейб на шотландском диалекте. – Я никогда не нарушаю данного слова.

– Вы разбили головы ни в чем не повинным хозяевам дома. Нанесли шесть тяжких телесных повреждений. По-вашему, это не нарушение?

Грозные слова были подобны стакану ледяной воды, выплеснутой в лицо Гейба. Нехотя отрешившись от мира фантазий, он вернулся в реальность.

Это не Олд-Бейли. Это полицейский суд Уолтем-Форест.

И он не первоклассный адвокат. Он девятнадцатилетний наркоман-кокаинист, обвиняемый во взломе, вооруженном нападении, причинении тяжкого вреда здоровью и попытке преднамеренного убийства. Майкл Уилмонт – единственный, кто стоял между ним и двадцатью пятью годами в тюрьме «Уормвуд-Скрабз».

– Судьи не желают выслушивать твои героические речи. Впрочем, как и я. Поэтому води себя скромно, предоставь говорить мне и пытайся хотя бы сделать вид, что жалеешь о содеянном. Договорились?

– Да, сэр, – покорно кивнул Гейб.

¹³ Адвокат, подготавливающий дела для барристеров и имеющий право выступать только в судах низшей инстанции.

Гейбриел Макгрегор родился в 1973 году в абердинской королевской больнице. Единственный сын нищего докера, Стюарта Макгрегора, и Энн, его школьной подружки, Гейб был крепким, красивым ребенком, который вырос в отличного, здорового мальчика.

Он не помнил, когда впервые услышал имя Джейми Макгрегора. Но точно знал, что проносили его не иначе, как со злобой и ненавистью. Он слышал это имя так часто, что оно стало частью его детства, совсем как запах корабельного мазута, колючая дешевая одежда из полиэстера и зловещий стук кулака судебного пристава в дверь жалкой, убогой квартиры его родителей.

И источником всех их бед был Джейми Макгрегор.

Это Джейми Макгрегор был виноват в том, что они перебивались с хлеба на воду, живя в жестокой, разрушающей душу, унижительной бедности.

Это Джейми Макгрегор заставлял отца пить и бить мать.

Это Джейми Макгрегор заставлял мать плакать, когда та пыталась замазать синяки дешевым тональным кремом из «Бутс»¹⁴.

Джейми Макгрегор...

Только повзрослев, Гейб смог узнать правду. Джейми Макгрегор, известный бизнесмен, основавший «Крюгер-Брент» и ставший одним из самых богатых в мире людей, был его двоюродным прадедом. У него были два брата, Йен и Джек, и сестра Мэри. Йен, старший брат, был прадедом Гейба. Его сын Хэмиш был дедом Гейба. Сын Хэмиша Стюарт стал отцом Гейба.

Вражду посеял Йен еще в начале двадцатого века. Старший брат так и не простил младшего за то, что тот сбежал в Южную Африку и там разбогател.

Кто он такой?! Смылся на край света и бросил на них мать, отца и ферму! И даже ни разу не послал денег тем, кто его вырастил!

При этом он очень к месту забывал, что рассмеялся в лицо Джейми, когда тот объявил о своем намерении отправиться на алмазные копи Африки. О том, как часто и безжалостно избивал мальчишку, отнимал скудную еду и заставлял вкалывать, словно раба, на каменистом клочке земли, лежавшем к северу от Абердина. К тому времени, как Джейми стал миллионером, родители уже умерли. Их свели в могилу все те же нищета и непосильный труд. Джейми посылал деньги, но только Мэри – единственной из родственников, которая любила и поддерживала его. Но когда и она умерла в тридцать лет от туберкулеза, переводы прекратились. Больше десяти лет Джейми не видел своих братьев и не говорил с ними. Считал, что ничем им не обязан.

Но Йен Макгрегор считал иначе. Если он и был суров с Джейми, то для его же блага. Он любил мальчика, как отец. Тяжко работал, чтобы прокормить его. И что получил в награду? Бегство. Предательство. Нищету.

Йен стал сильно пить. Озлобленность и зависть усиливались по мере того, как росли богатство и известность брата. С годами он передал эти чувства своему сыну Хэмишу, который, в свою очередь, завещал их Стюарту, отцу Гейба, как некую ужасную наследственную болезнь.

Произнести имя Джейми Макгрегора означало вызвать дьявола. Постепенно к этому сгустку ненависти добавлялись и другие имена: Кейт Блэкуэлл, Тони Блэкуэлл, Александра Блэкуэлл, Ив Блэкуэлл, Роберт Темплтон.

Дед Гейба Хэмиш выбросил на ветер все сбережения до последнего пенни и посвятил оставшиеся годы жизни заранее обреченному на провал судебному иску против могущественной корпорации «Крюгер-Брент». Раз за разом ему отказывали во всех судах: от Глазго до Лондона и Нью-Йорка. И каждый раз судьи были все более безжалостны в своих суждениях.

Легкомысленный...

¹⁴ В сетевых магазинах фармацевтической компании «Бутс» продаются недорогие лекарства, на которые не требуется рецепт, канцелярские принадлежности, косметика, книги и т. д.

Алчный...

Совершенно безосновательные претензии.

Хэмиш Макгрегор умер совершенно разоренным, озлобленным человеком. Двадцать лет спустя та же участь постигла его сына, отца Гейба. Когда отец умер, Гейбу было шестнадцать. Мозг Стюарта был изъеден спиртным и ненавистью, а тело сломлено многолетней тяжелой работой в доках.

Несмотря ни на что, Гейб любил отца и часто вспоминал немногие счастливые часы, которые они провели вместе. Играли на пляже в Элгине, когда ему было года три-четыре. Смотрели футбол и, сидя на трибунах, вопили во всю глотку. Танцевали вокруг рождественской елки, все трое, и мама тоже. Это было до того, как отец стал избивать ее, потому что горечь захлестнула его с головой.

Через две недели после смерти отца Гейб ушел из дома.

Мать умоляла его не делать этого.

– Куда ты пойдешь, сынок? У тебя нет ни профессии, ни свидетельства об окончании школы. Теперь, когда верфи закрыли, в Абердине нет для тебя работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.